

Три дня Индиго

Автор:

Сергей Лукьяненко

Три дня Индиго

Сергей Лукьяненко

«Три дня Индиго». Второй роман из цикла «Изменённые», продолжение романа «Семь дней до Мегиддо».

Прошло всего две недели с момента окончания событий, описанных в предыдущем романе. Но события совершают новый и неожиданный поворот. На этот раз помощь Максима требуется могущественным и таинственным Продавцам... а наградой за эту помощь может стать то, чего он хочет больше всего на свете.

Но этот путь приведёт его далеко за пределы Москвы.

Сергей Лукьяненко

Три дня Индиго

Часть первая

Глава первая

Обычно я на ночь плотно задёргиваю шторы. Не люблю, когда лунное кольцо светит в глаза.

Но эта ночь была слишком хорошей. Дождь прошёл и кончился к полудню: тёплый дождь в последний день марта. Воздух был в самую меру прохладным, так, чтобы можно было всю ночь лежать без одеяла и лишь под утро укрыться. Поэтому я оставил окно распахнутым, смотрел на потолок, где бегали тени от фонарей, слышал редкий гул машин, шаги и голоса запоздавших прохожих. И разговаривал с Дариной.

– К нам сегодня привезли девочку, – рассказывала она. – Большая уже, четырнадцать лет. Спрыгнула с балкона пятого этажа, вся поломалась.

Я поморщился, спросил:

– Дурында. Из-за несчастной любви, конечно?

– Нет. Чтобы стать Изменённой. Мне кажется, её могли и люди вылечить, позвоночник цел. Но родители не выдержали, привезли к нам.

– Таковую взрослую?

– Мы берём и в этом возрасте. Если иного выхода нет. А она сказала, что спрыгнет снова или выпьет отраву, если её не возьмут.

– Взяли?

– Да.

– И... что?

– Пока жива. Дня через два будет ясно, как сработал мутаген.

– А ты уже знаешь, кем она станет?

Дарина помолчала. Эти вопросы Изменённые обсуждать не любили.

– Есть потенциал хранителя, – сказала она неохотно, но с затаённой надеждой. – Либо старшая стража, либо хранитель Гнезда.

Я понимал, что это значит. Если девочка изменится и станет хранителем, то Дарина сможет остаться жницей. Мы оба этого хотели. Может быть, потому Гнездо и приняло девочку, опасно взрослую для Изменения.

– Пусть её мечта исполнится, – сказал я.

– Глупая мечта, – вздохнула Дарина. – А знаешь, о чём я мечтаю?

Закрыв глаза, я кивнул. Потом сказал вслух:

– Да.

– Я хочу лежать с тобой, – сказала она. – В твоей кровати. Прижиматься к тебе. Закрывать глаза и уснуть. Проснуться, а ты рядом.

– Нет, меня рядом не будет, – ответил я строго. – Я буду на кухне варить кофе. И принесу его тебе в постель.

Она тихонько рассмеялась.

– Спасибо. Мне никто и никогда не приносил кофе в постель... Спокойной ночи, Максим. Тебе надо спать.

– Тебе тоже.

– Мне это не так часто нужно. Спи, Максим.

Она засопела, очень уютно, словно мы были рядом.

– Сплю, – согласился я.

Дарина отключилась. Я опустил руку с кровати, нашарил телефон и положил трубку на рычаг.

Надо всё-таки завести радиотелефон. После Перемены, когда сотовые стали бесполезны, люди с перепугу принялись ставить обычные проводные телефоны. Откуда их столько оказалось-то на складах! Все боялись, а вдруг Инсеки запретят любую радиосвязь, не только мобильники? Но против радиосвязи на близком расстоянии пришельцы ничего не имели.

На самом деле пришелец возле Земли был всего один. Вот только мало кто из людей об этом знал. Я знал, ну так у меня этот месяц выдался очень познавательным...

Тряхнув рукой тумбочку, я разбудил часы. Экран высветил половину первого ночи.

Значит, познавательным был прошлый месяц.

Хорошо, что он кончился. В апреле я буду спать до обеда, гулять с Дариной, искать кристаллы, как порядочный сёрчер, и, наверное, готовиться поступить в институт. Вести почти обычную человеческую жизнь (гулять с жницей – это не совсем обычно, признаю).

Но спать я точно буду много. Вот прямо сейчас засну и...

В прихожей запищал домофон.

Секунд пять я лежал в слабой надежде, что это какой-нибудь припозднившийся гость ошибся номером квартиры.

Ещё секунд пять надеялся, что это случайно позвонивший пьяный или хулиган.

А ещё пять секунд быстрым шагом шёл к двери, ругаясь себе под нос.

Был ещё, конечно, вариант, что ко мне заявился монстр. Однажды ведь уже приходил.

Но монстры в дверь не звонят, нет у них такой привычки. Они её пытаются выбить.

– Да! – зло выкрикнул я, снимая трубку. Изображение на маленьком экране домофона было довольно чётким, на таком расстоянии скорость передачи данных ещё позволяла видеосвязь.

На экране шмыгал носом и озирался какой-то мелкий, лет семнадцати, паренёк. Он не походил ни на монстра, ни на хулигана. Так, оболтус-старшеклассник, шатающийся по ночам. В его возрасте, сразу после Перемены, я бы ночью на улицу выйти не рискнул, тогда полный бардак творился.

– Это... доброй ночи... – пробормотал парень, пялясь в глазок камеры. – Мне Максим Воронцов нужен.

– Я Максим, – нахмурившись, я разглядывал лицо. Что-то знакомое в нём было.

– Хай, Макс! – парень оживился. – Я свой, сёрчер. Серёга! Серёжка с Большой Бронной! Забыл?

Сёрчеров с Малой и Большой Бронной я знал. Мы с ними не ссорились. Серёгу не помнил.

– Серёжка с Большой Бронной? – повторил я.

– Мы год назад тусили, – Серёга не то обиделся, не то расстроился, что я его не узнал. – У старшего вашего, на днюхе.

Вот теперь я вспомнил. Старший нашей тусовки, Виталий Антонович, прошлым летом отмечал «неюбилей» – ему стукнуло тридцать девять. Старший объявил, что сорок лет не отмечают, но праздника хочется, и устроил празднование под названием «неюбилей» в бильярдном клубе. Были все наши и многие из соседних компаний. Среди них болтался и мелкий дрыщ, которого приятели звали «Серёжка с Большой Бронной». Он очень быстро нахлебался пива (к напиткам покрепче его не подпускали), порвал сукно на бильярдном столе и был с позором изгнан. Впрочем, празднование «неюбилея» прошло так бурно, что подвиг Серёги остался одним из самых безобидных.

За последний год Серёга явно вырос и окреп, даже голос перестал петушиться.

– Чего тебе? – спросил я.

– Пусти, разговор есть. Тебе сообщение!

Последние слова были сказаны с таким восхищённым придыханием, словно Серёгу отловил на улице как минимум президент России и велел сгонять побыстрому к Максиму Воронцову.

– Ну заходи, – вздохнул я, открывая замок подъезда.

– Ты охраннику скажи, что я свой, он меня уже раз выставил! – обиженно сообщил Серёга.

Пришлось позвонить нашему консьержу, Виктору Андреичу, бывшему военному, человеку крепкому, не расстающемуся с дубинкой, и после одного происшествия очень не любящему молодых ребят, идущих ко мне в гости.

Пока сёрчер поднимался, я натянул джинсы, подумал мгновение, но за пистолетом в сейф лезть не стал, взял со столика ключи с брелоком-куботаном и сунул в карман.

На всякий случай.

Впрочем, когда я открыл дверь и впустил Серёгу, даже эта перестраховка показалась мне смешной. Сёрчер хоть и раздался в плечах, но был почти на голову меня ниже и такой возбуждённо-радостный, что подозревать его в злодейских планах не стоило.

– Половина первого, – сказал я и зевнул. – Я рано ложусь.

– Извиняй, – Серёга махнул рукой. – Да я сам уже собирался дома быть, опять мамка все мозги проест...

Он с любопытством огляделся, спросил, понизив голос:

– Твоих не разбудим?

- Серёга, я не школьник. Я один живу, - ответил я.

Сёрчер надулся:

- Я тоже не школьник... почти. Короче, я тут кристаллик надыбал, хороший гринк... ну как хороший, неплохой, решил сразу в Комок сбросить...

- На Леонтьевском? - уточнил я.

- Ага.

- Рядом где-то нашёл? - поинтересовался я.

Глаза у Серёги забегали. Нашёл он кристалл, ясное дело, рядом. На нашей территории. Потому и решил сразу от него избавиться.

- Нет, у нас, на Малой Бронной...

- Забудь, - сказал я. - Ну, нашёл, чего дальше?

- Продавец спросил, знаю ли я тебя, - выпалил сёрчер. - Я, конечно, говорю: «Знаю, бывали вместе!» А он тогда попросил: «Сходи, говорит, к Воронцову домой, передай, чтоб ко мне зашёл!»

Да уж, необычно. Продавец чего-то попросил! Понятно, чего Серёга такой взбудораженный.

- Что дал за это? - поинтересовался я.

Серёга не стал отпираться, очень уж ему хотелось похвастаться.

- Во! - он бережно достал из кармана джинсов узкий футляр, открыл. Там лежали поисковые очки. С виду обычные зеркалки, только в них кристаллики, за которые у Продавца можно купить что угодно (хоть мотоцикл «Харлей Дэвидсон», хоть бриллиантовое кольцо для подруги), сразу видны. На дужке очков был крошечный светодиодный фонарик.

Хорошие очки, дорогие. У меня самого такие.

- Подарил? - заинтересовался я.

- Продал, за гринк. А таблетки, которые я хотел купить, подарил. Они ещё дороже стоят.

- Ты бы с таблетками завязывал, - сказал я, хмурясь. Что от меня надо Продавцу? Такого срочного, чтобы посылать среди ночи гонца?

- Таблетки не наркота! - оскорбился Серёга. - У меня дед - диабетик. Лекарство экспериментальное, восстанавливает поджелудочную, прикинь? Говорят, никакого инсулина больше не надо.

- Молодец, - одобрил я и похлопал Серёгу по плечу. - Хороший внук. Ладно, спасибо, я зайду в Комок.

- Ты это... ты сейчас иди! - занервничал Серёга. - Он сказал - пусть Максим сразу идёт!

Это я и так понял, но надо же было держать марку.

- Подумаю, - сказал я.

- Продавец велел передать: у него есть то, что тебе очень нужно! - выпалил Серёга и довольно ухмыльнулся.

- Эй, гонец! - я не удержался и постучал парня по лбу пальцем. - А что ещё важное ты забыл передать?

Серёга не обиделся, видать, понял, что перегнул.

- Нет, всё.

- Адрес мой Продавец сказал?

– Нет, я в кафешку заглянул, где ваши сидят. Спросил у Виталия Антоновича.

Я вздохнул.

Мы, конечно, теперь с нашим старшим в особых отношениях. Но плохо, что он знает о неожиданном интересе ко мне со стороны Продавца. Лишнее это.

– Ясно. Спасибо, Серёга.

– Нельзя с тобой в Комок? – спросил сёрчер. Понятное дело, ему было до жути интересно.

– Нет, – ответил я. – У меня с Продавцом свои тёрки!

Серёга и не рассчитывал, конечно, что я его прихвачу с собой. Он и без того был счастлив перепавшим на халяву очкам, да и что рассказывать в компании, ему теперь найдётся.

– Пойду, – сказал он. – Ты это, сходи сейчас. Продавец всё-таки.

Я кивнул, закрыл за ним дверь.

Прислонился к косяку. Постоял. А потом сказал тихонько:

– О, да!

От Продавца мне была «очень нужна» только одна вещь. У них, конечно, можно купить всё, что есть на свете – статую Венеры Милосской, шапку Мономаха или пригоршню изумрудов.

Но мне-то нужно другое.

Рубашку я надел яркую – сине-жёлтую «гавайку» чуть больше размером, чем мне нужно. Подумав, набросил подаренный когда-то Продавцом плащ. Во-первых, ему будет приятно, во-вторых – плащ хорошо спрячет кобуру.

Да, времена сейчас стали поспокойнее, но придурков ночами всё-таки хватает.

Пару недель назад я на таких наткнулся у самого Комка. Но в тот момент, как я теперь понимаю, во мне проявился пришелец, Высший, разбиравшийся в происходящей на Земле заварушке. Если бы незадачливые грабители этого не почувствовали, им бы пришёл конец.

Теперь Высшего не было.

Я сам по себе.

А мне нельзя умирать по-глупому. У меня очень большие планы на эту жизнь.

* * *

Ночь и впрямь стояла хорошая. Я дошёл до памятника Тимирязеву, насчитав по пути десятка два одиноких прохожих и несколько больших компаний. Люди просто гуляли, шли из гостей и ресторанов. Доносился смех, взбудораженные алкоголем, но не агрессивные голоса. Прошла целая группа китайских туристов, фотографирующих ночные улицы. Гид что-то певуче им рассказывал. Центр, даже после полуночи народ гуляет...

Над головой сияло лунное кольцо. Наш бедный спутник, разваленный Инсеком на фрагменты, вращался вокруг планеты в виде пояса астероидов. Среди мелких и крупных обломков плыл угловатый осколок – Селена, самый большой кусок прежней Луны. Где-то на нём было место посадки «Аполлона-11», но американцы утверждали, что в процессе разрушения Луны историческое место было утрачено. Не знаю, как так вышло, если с Земли смотреть – так все кратеры на месте, поверхность казалась не сильно повреждённой. Селена походит на широченный конус, вырезанный в Луне поворотом исполинского лезвия и навечно обращённый к Земле основанием.

Со спутников снимали обратную сторону Селены. Там неровным багровым шаром светится остывающее ядро, расползшееся, раскинувшее застывшие каменные острия. Красиво и жутко.

А ещё где-то там космический корабль Инсека.

Я на нём был.

Жаль, что ничего не видел, кроме одного-единственного коридора и полудохлого пришельца...

Шёл я по Тверскому бульвару, идти тут всего ничего, и минут через десять собрался завернуть перед МХАТом в Шведский тупик.

Тут меня и окликнули с бульвара – в очень знакомой манере.

– Друг мой, друг мой юный, дорогой!

Я остановился и увидел спешащего ко мне от памятника Есенину человека, одновременно нелепого и трогательного. Андрей, литературный бомж, кочующий между памятниками поэтам, оделся по погоде и даже с некоторым шиком: почти чистые бермуды, яркая рубаша с закатанными рукавами, повязанный вокруг шеи пёстрый платок. Немного портило впечатление то, что он был босиком и что ему стоило бы постричься с год назад.

Но поэтам и душевнобольным такие мелочи простительны.

– В городе вялом и старом – лица молодого лезвие! – воскликнул бомж. – Словно в дурмане пьяном слово услышать трезвое!

– Здравствуйте, Андрей, – сказал я. – Как ваши дела?

– Дела? Дела? – забормотал бомж, озираясь. – Говорить ты хочешь об этом? Какие дела могут быть у голоса мёртвых поэтов?

– С лутом хорошо? – терпеливо спросил я.

Андрей потряс головой, будто выбрасывая из неё рифмы-паразиты. Сказал уже спокойнее:

– С лутом хорошо, без лута плохо. А как у вас дела, добрый друг мой?

– Всё в порядке, – ответил я. – Надо заглянуть в Комок.

– Не люблю Продавцов, – вздохнул Андрей.

– Именно Продавцов, не Инсеков? – любопытно спросил я.

– Всё это договор, договор зверей окраски разной[1 - С. Есенин «Страна негодяев»], – бормотал хихикая. – Пойду я к Серёже, посижу до утра, прочитаю ему... А вы приходите на новоселье! Там, дальше по бульварам! К Володе я пойду, к Высоцкому. Пил он ещё больше Есенина, но надрыв у него другой, деятельный. Да, деятельный у него надрыв! А Серёжу я не выдерживаю, всего-то день с ним провёл – в глазах чёрная жуть! Но надо, надо и его навещать!

Он побрёл обратно к памятнику, недовольно отмахнувшись от бибикнувшей и притормозившей машины.

А я покачал головой и двинулся дальше.

У Комка стояли две девушки, мрачно-суровые, в джинсах и рубашках мужского кроя. На меня они глянули настороженно и оценивающе. Подёргали дверь, пошептались, потом с явным недоумением отошли. Комок выглядел... ну, как комок. Бесформенная масса размером с двухэтажный дом, упавшая когда-то с неба и застывшая. Зато дверь была самая обычная – деревянная, со старомодной ручкой-скобой.

– Закрыто, – сообщила мне одна девушка.

Похоже, они были свои, сёрчеры, хоть и незнакомые.

– А вы с лутом? – спросил я и заслужил презрительно-насмешливый взгляд.

Без лута в Комок можно войти лишь один раз. Продавец расскажет, что именно ему нужно, покажет разноцветные кристаллики, продемонстрирует разные ништяки, которые у него есть. А в следующий раз двери откроются, лишь если ты найдёшь кристаллы.

– Странно, – согласился я. Но всё-таки дёрнул ручку.

Дверь открылась.

- Эй, мы раньше пришли! - возмутилась девушка.

Я отпустил ручку и пропустил девчонок.

Дверь захлопнулась у них перед носом. И открываться не захотела, сколько они её ни дёргали.

- Знаете, кажется, Продавец ждёт меня, - сообщил я.

Та девица, что пообщительнее, рассмеялась. Потом посерьёзна и замолчала. Спросила:

- Так бывает?

Конечно, я не собирался рассказывать ей лишнее.

- Говорят, если Продавцу нужен какой-нибудь особый кристалл, - сказал я, - то он первым впускает сёрчера, который его принёс.

- А что у тебя? - поинтересовалась девица. Вопрос был не очень приличный, но я ответил:

- У меня? Блюк в форме пирамиды.

- Редкая штука, - согласилась девица. Помялась, посмотрела на подругу. - Ну попробуй снова.

Я дёрнул ручку, дверь открылась.

- Без обид, - сказал я и вошёл в Комок. Добавил: - Вряд ли вам стоит ждать, это может затянуться надолго.

Внутри помещение было разделено серым матерчатым занавесом, идущим от самого потолка. Потолок слабо светился, воздух стал ощутимо прохладнее – Продавцам нравилась температура около пятнадцати градусов. Большую часть Комка отделял высокий прилавок, за которым колыхался занавес и стоял Продавец – похожий на крупного человека, закутанного во множество накидок. Так мог бы выглядеть какой-нибудь пузатый арабский шейх, попавший в холодный климат, или солдат наполеоновской армии, намотавший на себя кучу тряпок при отступлении из России.

– Максим, – сказал Продавец негромко. – Снаружи холодно?

– Нет, но в вашем плаще не жарко.

– Это хороший плащ, – кивнул Продавец. – Но он не мой, он ваш. Рад вас видеть.

– Доброй ночи, – ответил я. Подошёл ближе. Лицо Продавца (ну, та часть, которая выглядывала из-под ткани) выглядело совсем как человеческое.

Нет, надо добавить: как встревоженное человеческое.

– Это недобрая ночь, – не согласился со мной Продавец.

Ну началось! Понеслось дерьмо по трубам!

– Согласен, – сказал я. – Собирался уже спать, а тут явился ваш посыльный.

В конце концов, это он ко мне обратился.

– Мне нужна помощь, – сообщил Продавец. – Я не могу обратиться к человеческим властям... вы понимаете, почему?

– Потому что там полно Прежних, – зло сказал я. – О чём вы мне могли бы рассказать и раньше... избавив от кучи неприятностей. А Прежние вас не любят.

Продавец помолчал, потом терпеливо продолжил:

– Совершенно верно. От Прежних я помощи не получу. Они не пускали нас на Землю, не позволяли наладить столь полезное торговое сотрудничество с людьми... В результате мы помогли Инсекам взять контроль над Землёй. Что, разумеется, испортило наши отношения ещё более.

Вот этого я не знал. Значит, Продавцы не просто получили от Инсеков право торговать с людьми. Они ещё и помогли им в схватке с Прежними!

– А что ж Инсеков не попросите? – не удержался я.

Продавцы не любят отвечать на вопросы. Но он ответил. Значит, дела у него и впрямь неважные.

– Инсек недоволен нашей ролью в недавних событиях. С его точки зрения мы... развлекались. И тем самым довели ситуацию до опасного уровня.

– Могу его понять, – сказал я злорадно. – Ну, хорошо. Значит, вам нужна помощь от меня?

– Да. Ты не лучший выбор, – Продавец пожал плечами. – Но у тебя есть потенциал, и ты уже многое знаешь. Лучше ты, чем кто-то другой.

Я недоверчиво хмыкнул.

– Ещё я представляю, чем тебя можно заинтересовать, – сказал Продавец.

– Удиви меня, – сказал я ехидно. – Раз я «не лучший выбор», то предложи побольше и дай выбирать мне.

Может быть, и зря, потому что Продавец насмешливо прищурился.

– Хорошо, ты сам попросил. Я предложу выбор, Максим. У меня есть два товара для оплаты твоих услуг. Первый – это информация. Я расскажу, кто такие Прежние, кто такие Инсеки, кто такие мы, что такое кристаллы и зачем они нам, для чего Инсек разрушил Луну, каким было прошлое человечества и каким может стать его будущее. Я расскажу про Изменённых, куда они исчезают из Гнёзд и какими бывают. Это очень хороший товар, Максим! Ни один человек на

Земле не владеет таким объёмом информации. Более того, одной частью информации владеют Преподобные, другой владеют Инсекты, но все знания будут лишь у тебя. Это куда меньше, чем знаю я, но это всё, что нужно знать человечеству.

– Офигеть, – сказал я искренне. – В чём подвох?

– Во втором товаре, – ответил Продавец. – Это возвратный мутаген. Любой Изменённый вернётся к своему человеческому состоянию. На всякий случай уточню: здоровому и полноценному, даже если в момент мутации особь была повреждена.

– Ты говорил, что это запрещённый товар и вы больше никогда его не продадите!

– Да. Поэтому я считаю оба предложения равноценными.

Зря я с ним так нагло говорил. Зря!

Предложи он мне информацию или мутаген, я был бы счастлив. И не раздумывал бы ни секунды.

Теперь мне надо было выбирать.

– Информация не позволит мне получить мутаген? – спросил я.

Продавец покачал головой. Добавил:

– А мутаген не даст тебе информации. Люди не смогут его проанализировать и скопировать. Это порция мутагена на одного. И это большая драгоценность.

– Вы меня удивили, – признал я. – Всё, я понял! Извините. Я нахамил. Я готов, я сделаю всё, что угодно, за оба товара!

Продавец покачал головой.

– Нет, Максим. Это урок вежливости, ты прав. Но изначально я и не собирался предлагать тебе информацию. Я знаю, что тебе нужно, цена справедлива.

– А если я выберу информацию? – спросил я.

– Мы же оба знаем, что ты выберешь, – ответил он.

Да, мы оба знали.

– Возвратный мутаген, – сказал я. – Хорошо. Хрен с ней, с информацией, кое-что я и так уже знаю... Кого мне надо убить?

– Убивать не надо, – ответил Продавец. – Убийство уже случилось. Некоторое время назад в Комке на Шлюзовой набережной был убит Продавец.

– А... – сказал я. Помолчал. – Убит?

Продавец кивнул.

– То есть вас можно убить? – уточнил я.

– Убить можно кого угодно и что угодно, – сказал Продавец. – Можно убить Инсека, собственно говоря, он уже убит, но существо такого уровня развития умирает очень долго. Можно убить Прежнего, можно убить даже Высшего, хотя это потребует усилий, соизмеримых с уничтожением звезды. Можно убить девочку-жницу, можно убить тебя. Можно убить веру, можно убить надежду, можно убить любовь. Всё смертно. И мы тоже.

– У меня есть один знакомый поэт, – сказал я медленно. – Могу познакомить, вы чем-то похожи... И что вы хотите от меня?

– Выясни, кто и как убил Продавца. Сообщи мне. Всё.

– А казнить злодея не надо? – спросил я с подозрением.

– Я боюсь, что тот, кто смог убить Продавца, тебе не по зубам, – без всякой рисовки ответил Продавец. – Тут был бы нужен Высший. Но он покинул вашу планету, и он не стал бы вмешиваться. Так что просто узнай.

– Хорошо, – сказал я. – По рукам!

Продавец послушно протянул руку, тоже вполне человеческую на вид, но я не спешил. Сказал:

– Только обсудим детали!

Продавец вздохнул и повернулся к занавесу:

– Тогда я принесу чай. Похоже, разговор будет долгим.

– Мы же не спешим, – сказал я.

Но Продавец ошибся. Разговор оказался не просто долгим, а очень долгим. Мы спорили почти два часа. К концу разговора я уже пожалел, что пил чай – туалета в Комке, как сообщил Продавец, не было.

Вот и доверяй после этого внешнему сходству с людьми!

Глава вторая

Гнездо, в котором жила Дарина, расположено в Гнездниковском переулке, в здании бывшего Министерства культуры. Название переулка совпало со словом «Гнездо» случайно, Дарина даже удивилась, когда я указал ей на этот факт. Просто Изменённые предпочитали занимать под Гнёзда большие здания, не слишком важные для людей.

Министерство культуры подошло идеально.

Его, кстати, так и не восстановили после Перемены. Я на днях узнавал, оказалось, что временный Департамент культуры вначале открыли при Министерстве сельского хозяйства, потому что там были свободные площади, потом быстренько перевели в Министерство просвещения, но вскоре учителя взбунтовались от избытка культуры, а сейчас присоединили к Министерству спорта – где департамент и по сей день замечательно работал.

Наверное, это что-то говорит о нашей культуре.

Снаружи Гнездо обросло «паутиной», из которой Изменённые делают одежду и даже строят части Гнезда, а ещё немного продают людям. Паутина не горит, не гниёт, восстанавливается при повреждениях, самоочищается, а одежда из неё меняет размер вместе с хозяином. У меня есть трусы из паутинного шёлка, я однажды в них ходил в поход на четыре дня.

Полицейских постов у Гнезда не было, Изменённые этого не любят. Где-то наверняка стояла камера, но с тех пор, как Инсек ужал для людей скорость передачи данных на расстоянии, все камеры стали стационарными, на флешках. Я вошёл через главный вход и оказался в фойе, с его сумрачным (как во всём Гнезде) светом и наваленной повсюду мягкой рухлядью: ковры, подушки, матрасы, одеяла, мягкие кресла. Это Гнездо выглядело именно так, и я, увы, знал, по какой причине.

У дверей стояла стража – Изменённый, мутировавший в охранника. Он или она (у стражи разница стиралась) походил на человека, но не так, как куколки или жницы. Выше ростом, лицо шире человеческого и одновременно заострённое, вытянутое, как у птицы. Глаза тёмные, радужка сливается со зрачком. Челюсть очень крупная, тоже выдающаяся вперёд, руки длиннее, кисти массивнее. Из пальцев, я знал, в случае необходимости могут выдвинуться ядовитые когти. Ну и кожа – жёсткая, в каких-то пупырышках, будто рябая.

Три недели назад это Гнездо было убито. Выжили жница Дарина и куколка Наська. Потом стали появляться новые Изменённые, но они пока ещё оставались куколками – почти неотличимыми от человеческих детей.

Стража была здесь гостем. Изменённые редко переходят из Гнезда в Гнездо, разве что в стадии куколки. Но ситуация сложилась столь необычная, что в итоге помощь всё-таки оказали – две жницы и четыре стражи временно

поселились в этом Гнезде. Они уйдут, когда несколько куколок пройдут трансформацию и смогут занять их место.

- Привет, Же, - сказал я.

Когда стража была человеком, его или её звали Евгением или Евгенией. Я не интересовался.

- Привет, - сказала стража. Помолчала и добавила: - Сейчас ночь. Ночью ходить по улицам опасно.

- Я осторожно хожу, - успокоил я Изменённого.

Несмотря на устрашающий внешний вид и объём знаний (учились они очень быстро), все Изменённые - дети или подростки. Первая мутация возможна в возрасте до четырнадцати-пятнадцати лет, Гнёзда возникли восемь лет назад, так что самым старшим Изменённым - двадцать три. Ну, допустим, двадцать четыре. В любом случае они младше меня.

А этой страже двухметрового роста могло быть и пять лет, и шесть. Не удивлюсь, если при этом она умеет решать в уме дифференциальные уравнения и знает кучу вещей, неизвестных мне. Но где-то в основе - она ребёнок, мальчик или девочка дошкольного возраста. И твёрдо знает, что на ночных улицах страшно.

На самом деле куда страшнее то, что с ней сделали. Вот только выбора ни у неё, ни у её родителей не было. На Изменение отдают смертельно больных детей, мутаген первой фазы исцеляет всё.

- Ты пришёл к Дарине? - спросила стража с любопытством.

- Да.

- Я не могу тебя проводить, - стража беспокойно затопталась на месте. - Я дежурю у входа.

- Ничего страшного, - успокоил я. - Меня проводит Гнездо.

Обычному человеку, подошедшему к Гнезду слишком близко, становится неуютно. Это работает психологический щит, оберегающий Изменённых. Но Гнездо не только создаёт щит, оно по сути своей разумно, в нём отпечаток сознания всех, кто был в нём изменён. С Гнездом можно общаться, оно может помочь... конечно, если ты свой.

Я был своим. Три недели назад Дарина призвала меня для защиты Гнезда. С тех пор Призыв был снят, но невидимая связь между мной и Гнездом осталась.

Полковник Лихачёв, который работает в отделе «Экс», занимается пришельцами и многое о них знает, рассказывал, что некоторые призванные сходят после Призыва с ума, уходят в монастырь или ведут замкнутый образ жизни. Не могу понять, почему. Мне нравилось слышать Гнездо и общаться с ним. И уезжать на край света, чтобы молиться там Богу или жить охотой и собирательством, я не планировал.

Как по мне, Москва такой город, где тоже приходится непрерывно молиться и заниматься борьбой за пропитание.

«Здорово, – подумал я, обращаясь к Гнезду. – Ты как?»

Я слышал голос Гнезда как шум морских волн, иногда очень тихий, умиротворённый, иногда грозный, штормовой. И в этом шуме появлялись слова-образы, словно сотканые из шёпота сотен голосов.

В общем, трудно объяснить, как это.

Гнездо ответило, что всё нормально. В нём есть жница и двенадцать куколок. И ещё шесть гостей, стражи и жницы. Гости немного смущали Гнездо, но оно готово было их терпеть. Конечно, когда в Гнезде появится хранитель и мать – станет легче. Пока их работу (уж не знаю, в чём именно она заключалась) выполняло Гнездо. А ещё Гнезду нравилось, что прошедший день был солнечным и сухим. Внутри Гнезда всегда влажно, но солнечный свет снаружи ему приятен.

Я внимательно выслушал Гнездо. Мне кажется, ему нравилось поговорить вот просто так, не с Изменённым, а с человеком.

Потом я попросил проводить меня к Дарине и тут же понял, куда идти.

На самом деле она была в своей комнате. Большинство жниц любят уединение, у них есть какие-то комнаты, где раньше сидели люди, занимающиеся культурой.

Без остановки я, впрочем, к Дарине не дошёл. На полпути на меня из коридора выскочила Наська – единственная куколка, уцелевшая при разгроме Гнезда. Молча, будто атакующий доберман, запрыгнула на меня со спины и повисла, словно рюкзак.

– А! – тихонько воскликнул я.

Наська точно так же тихо взвизгнула и от избытка чувств стукнула меня по голове. Шутя, конечно. А так куколки сильнее взрослого человека, могла бы и оглушить.

– Чего среди ночи? – требовательно спросила она.

– Дела, – сказал я, стряхивая её и оборачиваясь. Куколки одеваются как попало, паутинные костюмы, как жницы или стражи, не носят, а одеждой, по-моему, меняются совершенно свободно. Внешний вид им, в общем-то, безразличен.

Вот на Наське сейчас были зимние ботинки (ужас, в тёплом и влажном Гнезде!), шорты и толстый колючий свитер взрослого размера с горловиной (ещё раз ужас).

– Знаю я ваши дела, – заявила Наська беззастенчиво.

– А ты чего не спишь?

– Мы утром поспим немного. У нас занятия.

Я вопросительно посмотрел на неё.

– Прятки на выживание. Кого найдут последним – тот молодец.

- Приз какой-нибудь получит?

Наська скорчила жалобное лицо.

- Да! Разрешат поесть немножко!

Поскольку я Наську знал, то на слезу меня не пробило.

- Ну беги тогда. Прячься.

- Ты жестокий и бессердечный! - заявила Наська, вытирая пальцем несуществующую слезинку. И унеслась по коридору.

Похоже, куколки и впрямь играли в прятки.

Я торопливо дошёл до комнаты Дарины, открыл дверь и проскользнул внутрь. Стучать у Изменённых было не принято.

Дарина лежала ногами к двери на матрасе, застеленном одеялом, и читала какую-то книжку. В ушах у неё были капельки наушников, рядом лежал плеер, подаренный мной неделю назад. Она очень смешно болтала в воздухе ногами в такт музыке, я невольно улыбнулся и постоял немного, глядя на неё.

Потом, как мог тихо, подкрался к ней (пол был покрыт в несколько слоёв коврами и одеялами), присел и закрыл ей ладонями глаза.

Вообще-то дурацкий поступок. Жница может убить человека голыми руками.

Но я не боялся.

- Знала, что ты придёшь, - сказала Дарина. Оттолкнула книжку, перевернулась на спину.

Я осторожно убрал ладони, посмотрел в её сиреневые глаза и поцеловал. Вынул наушники. Из них едва слышно доносилась музыка - кто-то призывал порвать тишину, проклинать тьму и проклинать свет.

Мы целовались, пока песня не кончилась.

Потом я лёг рядом и спросил:

- Гнездо сказало?

- Нет, я чувствовала, что ты придёшь, - ответила Дарина.

Может быть, она и впрямь почувствовала. А может быть, хотела, чтобы я пришёл.

- Дарина... - я взял её за руку. - Случилась странная история. Меня позвал к себе Продавец. Я только что из Комка.

- Так, - её голос сразу посерьёзней. Она коснулась плеера, отключая его.

- Кто-то убил Продавца в Комке. Не в том, что рядом. На набережной. Продавец просит меня выяснить, кто это сделал.

- Не ввязывайся! - быстро сказала Дарина. - Максим! Это либо Прежние, либо Инсеки!

- Инсек один, и он сидит в своём корабле на Селене.

- Тогда Прежние. Тем более!

- Мне не надо ни с кем драться. Только выяснить, кто это сделал.

Дарина помолчала мгновение. Спросила:

- Что он тебе пообещал?

- Возвратный мутаген.

Теперь она замолчала надолго. Я приподнялся, посмотрел на жницу.

Дарина плакала.

- Ты не хочешь снова стать человеком? - спросил я.

Она прижалась лицом к моей груди. Прошептала:

- Хочу. Очень хочу. Но лучше я буду жницей, а ты живым.

- Дарина, я не буду рисковать. Это вроде частного расследования. Приду, посмотрю, попытаюсь понять.

- И тебя убьют!

- Кто?

- Не знаю. - Она села. - Максим...

Я молчал. Дарина безнадежно заглянула мне в глаза.

- Тебя не переубедить?

- Нет.

- Тогда рассказывай.

- Да нечего ещё рассказывать, - вздохнул я. - Наш Продавец никаких деталей не раскрыл. Может, и сам не знает? Сказал, что Продавец на набережной был убит вечером, между девятью и одиннадцатью часами. Об этом никто не знает, ни полиция, ни власти. Комок закрыт, откроется только для меня. Я могу привлекать к расследованию тех, кто участвовал в истории с вашим Гнездом.

- То есть меня, Наську...

- Ни тебя, ни тем более Наську я привлекать не стану!

– А зря, кстати, – сказала Дарина. – Она прочитала, по-моему, все детективы на свете.

– А я прочитал несколько кулинарных книг. Только, кроме яичницы, ничего готовить не научился.

Дарина улыбнулась.

– Согласна... Хорошо. Тогда ты можешь привлечь деда Борю, Елену, Виталия, Василия, Милану, Лихачёва.

– Зачем?

– Они умные люди, они многое знают. Елена – врач, Милана – биолог. Тебе разрешено осмотреть тело?

– Мне разрешено делать с ним всё, что угодно, – сказал я. – Только нельзя его выносить из Комка.

– Ну вот! Лихачёв – полицейский и много лет занимается пришельцами. Да он на тебя молиться станет, если ты позволишь осмотреть Продавца! Елена и Милана проведут вскрытие...

Я поморщился.

– Если ты хочешь добиться результата, то придётся это сделать, – сказала Дарина.

– Да... но... Наверное, да, – я вздохнул.

Никакого любопытства я не испытывал. Продавец как-то сказал, что они лишь на первый взгляд человекоподобны. Что он даже не гуманоид (хотя как это возможно, ведь гуманоид – это как раз существо, внешне напоминающее человека). Но похож он на человека или нет, красная у него кровь или зелёная, млекопитающее он или рептилия – ковыряться в мёртвом теле я не хотел.

Что ж, значит и впрямь – Елена... и Милана.

– Я не ревную, – напомнила Дарина.

– А зачем деда Борю, Василю, Виталя? – быстро сменил я тему.

– Сам решай, – сказала Дарина. – Но мне кажется, они очень обидятся, если ты их не позовёшь.

– Обидятся, – признал я.

Приняв решение, Дарина больше не пыталась меня отговорить. Сев по-турецки, она упёрлась руками в матрас, посмотрела в стену. Глаза её затуманились, их сиреневый свет померк, только зрачок бился, будто она невероятно быстро считывала что-то с невидимого мне экрана.

С ней сейчас было Гнездо. Жница общалась с ним, запрашивая и получая информацию с невозможной для меня скоростью и свободой. Я сидел тихо, смотрел на неё и боялся прикоснуться, чтобы не вывести из транса.

Обычно Изменённые не показывают чужим такие штуки. Но я чужим не был.

– Ничего... – выдохнула Дарина, обмякнув. – Информации по Продавцам очень мало, в основном – запросы и получение мутагенов и прочих товаров. Что-то есть для уровня хранителя и матери, но тоже немного. Информации по уязвимости, силе, происхождению, характеру отношений с Инсеками и людьми вообще нет.

Она виновато глянула на меня.

– Я ведь даже не знала, что Продавцы помогли Инсекам захватить Землю.

– Инсеку, – поправил я.

– Вот видишь. И этого я не знала! Я только жница. Учю куколок, помогаю в Гнезде. Может быть... если я пройду до хранителя...

Она не закончила.

- Нет! - сказал я. - А если я не справлюсь, и мы не получим возвратный мутаген?

- Если я стану хранителем, то могу и не захотеть вернуться, - тихо ответила Дарина. - Дело ведь не в том, что у меня глаза сделаются как у вареной рыбы. У меня в голове тоже всё переварится. Гнездо будет главным и единственным.

Я не стал спрашивать, но она ответила на незаданный вопрос.

- Сейчас главное - это ты.

Взяв её за руку, я погладил пальцы. Кожа у жниц очень гладкая, будто тефлон. Но я привык. Мне даже нравится.

- Если бы у нас была стратег... - прошептала Дарина. - Даже идти бы никуда не понадобилось! Она бы подумала и сказала, кто убийца...

Но стратега на Земле больше не было. Высший увёл её с собой - и тем самым остановил надвигающуюся катастрофу. Мы были в шаге от нового Армагеддона, но тот не случился.

Я осторожно погладил жницу по спине, по обтягивающему комбинезону. Ткань мягко разошлась под пальцами, я коснулся кожи - такой же гладкой, но тёплой.

- Максим! - строго произнесла Дарина.

Но мы оба знали, что если бы она не хотела, то комбинезон бы не раскрылся. Я осторожно начал стягивать ткань, Дарина вздохнула и легла на живот. Сказала капризно:

- Я собираюсь спать. Не знаю, что ты там надумал... но я непреклонна и уже сплю...

Я поцеловал её между лопаток, жница вздохнула, замерла под моими губами. Несколько секунд лежала расслабленно, пока я спускался губами вдоль спины, потом перевернулась и воскликнула:

- Нечестно!

Глаза у неё смеялись и наливались сиреневым мерцанием. Я не останавливался, она задышала чаще, рывком присела и стала стаскивать с меня джинсы.

- Ещё более нечестно... - прошептал я, почувствовав касание её губ.

* * *

Конечно же, кончилось тем, что мы всё-таки уснули вместе. Может быть, Дарина и не спала: когда я засыпал, она смотрела на меня и тихо-тихо гладила по щеке, когда проснулся - сразу встретил её взгляд.

Было девять утра. У Дарины начинался её обычный день в Гнезде. Она будет учить куколок, в чём бы эта учёба ни состояла. А мне пора приступать к своей неожиданной работе.

Я отказался от завтрака (хотя у Изменённых на удивление хороший кофе). Деньги в кармане были, я собирался что-то съесть по пути. Дарина ушла куда-то в глубины Гнезда, я направился к выходу.

И обнаружил у выхода Наську, болтавшую со стражей.

Собственно говоря, мне хватило одного взгляда, чтобы всё понять. Куколка оделась как «приличный человеческий ребёнок»: брючный костюмчик и школьного вида чёрные туфли.

А ещё на голове у неё было серое кепи.

- Нет, - сказал я.

- Чего «нет»? - с вызовом спросила Наська.

- Вот это «нет»! - я ткнул пальцем в кепи. - Трубку тоже взяла?

- Курить вредно.

– Ну и какой из тебя детектив, если без трубки? А ещё ты меня очень огорчила!
Подслушивать – фу!

– Я не подслушивала! – возмутилась Наська. – Мне Гнездо велело наблюдать за расследованием!

– Что?

Я мысленно потянулся к Гнезду. И получил ответ, на удивление твёрдый и уверенный.

Да, это Гнездо посылало со мной Наську. Не то, чтобы наивно считало её почерпнутые в детективах знания полезными. Но Гнездо хотело знать, что происходит. Дарина уйти не могла, а куколка – вполне.

Стража с любопытством смотрела на нас.

Что она вообще обо мне думает? Человек, призванный, живущий со жницей...
Редкий экземпляр!

– Наська, я не могу тобой рисковать, – сказал я.

– Я не ребёнок, я не человек вообще!

– Неважно!

– Меня убить труднее, чем тебя!

Это, конечно, было правдой.

– Нет, – сказал я. Мысленно обругал Гнездо, так, что оно растерянно притихло. – Ты остаёшься, занимаешься учёбой, получаешь свои пятёрки с плюсом. Потом я непременно всё тебе расскажу и посоветуюсь. Считай, что ты детектив, а я твой помощник, который на месте всё изучает.

– Как Ниро Вулф и Арчи Гудвин?

– Кто? Да, наверное. Я твой Ниро Вулф.

Наська хихикнула.

– Вулф толстый как монах, сидит в кабинете. А бегают Гудвин.

– Прекрасно. Я Арчи Гудвин. Гудвин великий и ужасный. Иди, почитай «Волшебника Изумрудного города».

– Давно прочитала.

– Тогда в прятки поиграй!

– Ладно, – неожиданно согласилась Наська. – Так даже интереснее.

Я с подозрением посмотрел на неё, но Наська надулась и быстрым шагом ушла, оперев руки в бока.

– У неё избыток энергии, – пожаловался я страже. – Реактивная девчонка!

– Маленькая ещё, – согласилась стража важно. – Ей же всего десять лет.

– А тебе? – не удержался я.

– Одиннадцать.

Вздыхнув, я отсалютовал страже и вышел из Гнезда. Прикинул, как лучше добираться и повернул к Тверской.

Ехать тут недолго, три станции. Выходя на Павелецкой, в неожиданно большой толпе, я уже выбросил Наську из головы.

И только увидев серое кепи чуть ниже на эскалаторе, понял, что зря.

Похоже, упомянуть игру в прятки было ошибкой.

Выкатившись наверх и обнаружив меня, стоящего с мрачным видом, Наська никакого раскаянья не проявила. Развела руками и спросила:

- Ну и что ты сделаешь?

Сделать я ничего не мог.

Силой потащить назад? Ну, во-первых, это вызвало бы подозрение окружающих. А во-вторых, если Наська упрётся – я её и с места не сдвину.

- Сяду и буду сидеть на скамейке, – сказал я.

Мимо шли люди, толкаясь и бормоча в мой адрес не слишком лестные эпитеты.

- Сяду рядом и буду ждать.

Я сдался.

- Только сегодня. Хорошо?

- Максим, ты самый-самый лучший! – выпалила Наська. – Не пожалеешь, зуб даю! Вот, держи!

Она полезла в карман и действительно вытащила оттуда зуб! Молочный. Видимо, зубные феи к Измененным летать боятся.

Вздыхнув, я стал выбираться из метро. Наська вьюном пробиралась следом. Несколько здоровых мужиков, которых она мимолётно сдвинула с пути, растерянно смотрели вслед. Никто, конечно, и представить себе не мог, что куколка разгуливает по Москве, будто человеческий ребёнок.

Глава третья

Накануне Перемены в Москве было меньше тысячи таксофонов. Стояли они в таких местах, что многие москвичи про них вообще не знали и уж тем более никогда не звонили. Зачем, если в кармане даже у ребёнка или старика есть сотовый?

Но зато таксофоны были бесплатные.

Теперь сотовой связи нет, телефонные будки вернулись в города (говорят, какой-то древний завод на этом озолотился), но надо платить за звонок.

Я остановился у таксофона рядом с метро, вставил карточку в аппарат и набрал номер отдела «Экс». Хорошо помнить числа – это очень удобно, не нужно таскать с собой блокнот.

Их производители, кстати, тоже выиграли от Перемены.

Не знаю, сколько народа служит у Лихачёва в подчинении, никогда там не был. Но вначале трубку взял мужчина с резким командным голосом, потом я добрался до какой-то юной девицы. А лишь потом мне позвали полковника.

Чутьё у него имелось. Впрочем, после недавних событий я бы очень удивился, откажись он от встречи. Я сказал, что подожду у Комка на Шлюзовой набережной, полковник ответил: «Буду через пятнадцать минут», и в трубке запикал отбой.

– Полковнику никто не пишет, – сказала Наська, толкущаяся возле будки. – Полковнику все звонят.

У неё очень медленно шла первая фаза мутации, она несколько лет провела неподвижно. Лежала и читала книжки, их на удивление много оказалось в Министерстве культуры. Читала, похоже, всё что попало, не только детские книжки или детективы. Может, поэтому немного странная.

– Идём, – сказал я. – Подождём на месте.

На самом деле мне не хотелось дожидаться полковника. И когда мы дошагали до Комка, и я там никого не обнаружил, меня это порадовало.

В этом Комке я никогда не был. Он упал на уродливое невысокое здание, в котором размещался фитнес-клуб и какие-то государственные конторы. Кажется, даже почта, и это меня позабавило – на Мичуринской тоже «Почту России» накрыло падением Комка.

Может, Продавцам когда-то посылку не доставили?

Этот Комок был почти правильной формы, напоминал расплюснутую каплю, или спелую фигу, ну или хинкали – если вы грузин... Прочие ассоциации я оставил за невоспитанной куколкой.

На моих глазах к дверям Комка подошла молодая женщина. Дёрнула ручку. Удивилась. Подёргала ещё. Пожала плечами и пошла навстречу нам, к метро.

Видимо, нечасто ей приходится продавать кристаллы, иначе удивилась бы сильнее. Сёрчеры знают, что Комки открыты всегда.

– А нас пустят? – шёпотом спросила Наська.

– Меня пустят, – ответил я с уверенностью, которой не испытывал. Ночной разговор с Продавцом казался сейчас нереальным.

Мелькнула мысль: а не зайти ли самому, оставив Наську снаружи? Но если она уйдёт и заблудится?

– Что именно тебе сказало Гнездо? – строго спросил я, когда мы подошли к дверям.

– Что свершилось ужасное злодеяние! – с готовностью ответила Наська. – Кто-то убил Продавца! И тебе надо выяснить, кто – тогда друзья покойного дадут тебе кучу всякого добра!

– В целом верно, – признал я. – Ты не боишься увидеть мертвеца?

Наська ответила не сразу и на этот раз очень серьёзно.

– Максим... Когда у нас Гнездо убили, я помогала Дарине тела носить. Только мне стражу или монаха тащить было тяжело, особенно если они остались целыми. Я носила куколок.

Она помолчала секунду.

– Своих подруг.

Чёрт. Меня как под дых ударили. Вот эта её весёлость и энергия – они порой заставляют забывать, что передо мной куколка. Которую родная мать отдала в детстве в Гнездо. Которая несколько лет лежала, пока мутаген боролся в ней с опухолью. Обычно на это не нужно много времени, но тут что-то пошло не так. Дарина говорила, что к ней редко заходили другие куколки – дети не очень-то умеют сочувствовать.

А потом, когда она всё-таки поправилась и у неё появились друзья, их всех убили.

– Извини, – сказал я. – Глупость спросил.

– Ничего, – ответила куколка. – Это у всех бывает. Ты не бойся за меня, я не стану пищать. И ничего не буду хватать и лезть куда попало. Нас учат дисциплине.

– Вот в этом я сомневаюсь, – признался я.

Мы были уже перед дверью, а Лихачёва ещё не наблюдалось. Пробок в Москве нынче нет, слишком дорогой бензин, но ведь могло его что-то задержать?

– Зайдём, – решил я и взялся за ручку двери.

Дверь открылась легко. Комок действительно ждал моего появления.

Я вошёл первым, огляделся.

Ну, всё как обычно. Глухая стойка прилавка из того же непонятного бугристого материала, что стены и потолок. За ней – метра два пространства, далее

плотный занавес.

Прохладно.

- Эй! - позвал я. - Есть кто?

Всё-таки я не был уверен, что Продавец мёртв.

Тишина.

Наська попыталась высунуться вперёд, я придержал её за плечо.

- Можно войти? - снова позвал я.

Нет ответа.

- Пахнет, - сказала Наська.

- Чем? - я насторожился. У куколок чувства развиты куда сильнее, чем у людей. -
Кровь?

- Нет... химия какая-то. И озон.

Я принялся. Да, пожалуй, слегка пахло грозой. Химических запахов я не ощущал.

- Хорошо, - решил я. - Стой пока тут.

И двинулся вперёд.

Продавца я увидел, когда подошёл к прилавку. Он лежал сразу за стойкой, вытянувшись в полный рост всей массивной тушей, замотанной в серые и песчано-коричневые тряпки. Из-под одежды, будто ноги, торчали толстые металлические штыри, с растопыренными, будто птичьи лапы, опорами. Под телом расплылась большая липкая лужа густо-синей жидкости.

– Что за... – сказал я и, опёршись на стойку, перепрыгнул к Продавцу. Наклонился, посмотрел в проглядывающее сквозь ткань лицо. Глаза были закрыты, лицо казалось мёртвым.

В общем, мёртвым оно и было.

За спиной легонько стукнуло – я обернулся, обнаружил, что Наська стоит на прилавке. Похоже, запрыгнула прямо с пола.

– Мёртвый, – сказала Наська. – Это он пахнет.

Да, теперь я чувствовал идущий от Продавца запах. Он не был неприятным, он вообще казался неживым, это был запах сгоревшей электроники и разлившейся химии.

– Вашу ж мать... – сказал я, глядя на торчащие из-под одеяний металлические «ноги». – Вы что, роботы?

– Это механическая жизнь! – прошептала Наська с явным восхищением. – Перед нами сломанный автопродавец!

Я осторожно приподнял подол одежды. Металлические ноги ожидаемо имели что-то вроде сустава в районе колена, а заканчивались в рифлёном и явно металлическом цилиндре. Уже догадываясь, что увижу, я засучил Продавцу рукав. Кисть, на вид совершенно человеческая, в районе запястья была насажена на металлический стержень.

В общем, если бы ребёнка попросили изобразить робота – он бы примерно так и нарисовал. Не хватало разве что носа-лампочки.

Наська спрыгнула ко мне, тоже наклонилась над телом (если, конечно, сломанную машину можно так называть). Протянула палец, потрогала разлитую синюю жидкость, прежде чем я успел её остановить. Понюхала. Брезгливо поморщилась и вытерла об одежду Продавца. Сообщила:

– Это оно воняет.

Я тем временем обнаружил, что ткань на груди Продавца разрезана или прорвана. Развёл края – и обнаружил тот же самый рифлёный металл, только с узкой пробоиной, сантиметров десять-двенадцать длиной. Края пробоины торчали зазубринами, на них застыла синяя вязкая масса.

– Зарубили топором, – сказала Наська.

– Интересная версия, дорогой Холмс, – сказал я. – Но почему топором?

– Элементарно, Ватсон! – Наська взглядом указала в сторону. Я глянул. У края занавеса лежал топор. Деревянная ручка, клиновидное лезвие – самый обычный плотницкий топор. Даже не какое-нибудь экзотическое боевое оружие.

Как-то очень просто для всемогущих и самоуверенных Продавцов, нет?

Тюк топориком в грудь – робот-пришелец отбросил коньки и протянул грабли.

– Топор, – сказал я. – Мы же вроде не в Питере... Так, Наська. Говоришь, у вас дисциплина?

Наська быстро спрятала палец, которым собиралась потрогать пробоину, за спину.

– Ничего не трогать, – сказал я. – Иначе поедешь в Гнездо, я тебе гарантирую.

Кажется, она поняла, что я не шучу.

– У меня карточки на метро нет.

– Сюда же как-то просочилась? Пешком пойдёшь в крайнем случае.

Наська огорчённо кивнула. Что-то развернула в ладошке и забросила в рот.

– Ты что ешь? – воскликнул я.

– Конфетку!

- Где взяла?

Наська ткнула пальцем под стойку. Там была длинная полка, на ней одиноко стояла стеклянная вазочка с разноцветными леденцами в прозрачных фантиках.

- Тут! У всех Продавцов есть конфетки, они дают детям!

Я вспомнил, что при мне Продавцы и впрямь иногда угощали детей, притащивших лут или пришедших с родителями, леденцами. Криминала тут не было, они явно копировали земные обычаи.

- Всё равно, нечего грязными руками... ты эту жижу трогала! - строго сказал я.

В дверь тихонько постучали, и нотацию пришлось прервать.

- Сиди и жди! - велел я. Перебрался через стойку, подошёл к двери. Открыл.

И обнаружил мрачного Лихачёва.

Полковник был в штатском, но пиджак оттопыривала кобура.

- Заходите, - сказал я.

- У меня кристаллов с собой нет, - заметил Лихачёв.

- Ничего, тут и Продавца уже нет.

- Нет? - оживился полковник и быстро вошёл. - А где он? И как ты узнал?

Похоже, Лихачёв решил, что я обнаружил брошенный на произвол судьбы Комок. Удача, конечно, для начальника отдела «Экс». Продавцы были не меньшей загадкой, чем Инсеки или Изменённые.

- Он тут, но его уже нет.

– Ясно, – Лихачёв кивнул.

Быстрым шагом подошёл к прилавку, глянул. Поморщился, увидев Наську – та помахала ему рукой, опасно улыбаясь. Похоже, к полицейскому она относилась с большим пиететом, чем ко мне. Потом Лихачёв увидел металлические части и прямо-таки завопил:

– Робот! Грёбанный робот!

– Сам в шоке, – согласился я.

Лихачёв резко обернулся ко мне. Спросил:

– Кто-то ещё знает?

– Дарина.

– Ну это понятно... Максим, что стряслось?

Я только приготовился рассказывать, как заговорила Наська:

– Мы на минуточку зашли! Это я виновата, я попросила Максима шоколадку мне купить! А Продавец себе вставлял батарейки, мы увидели, что он робот! И Продавец сказал, что теперь нас убьёт! И пошёл на меня, а Максим достал топор и...

Лихачёв мгновенно успокоился, поднял руку, останавливая Наську.

– Ясно. То есть вы пришли, когда он был уже мёртвый.

Наська, чей полёт фантазии так грубо прервали, обиженно замолчала.

– Мне сказал Продавец из нашего Комка, который возле Гнезда, – пояснил я. – Что убили Продавца. И я должен расследовать.

– Должен? – удивился Лихачёв.

- Он сделал предложение, от которого я не смог отказаться.

- Ясно, - Лихачёв достал платок и вытер лицо. Шрам на щеке у него побагровел, видимо, от нервов. - Ладно, всё не так плохо, как я подумал. Ты имел право меня позвать?

- Да. Больше часа спорил, но договорился. Все, кто участвовал в истории с Прeжними, могут мне помогать.

- Спасибо, - поблагодарил Лихачёв. Настроение у него явно стремительно улучшалось. - Максим, я тебе говорил, что ты славный человек?

- Ага.

- Ну и повторить не лишне, - Лихачёв крякнул, перебираясь через прилавок. Сказал Наське: - Брысь!

Куколка послушно отошла на пару шагов.

- Зачем девчонку привёл?

- Гнездо настояло...

- Тоже ясно. Кого ещё позвал?

- Никого.

- Телефонная будка метрах в ста от метро...

- Знаю.

Лихачёв полез в карман, достал записную книжку. Полистал. Потом показал мне через прилавок.

– Вот телефон Елены. Тебе важен её рабочий номер. Сегодня операций у неё нет, но она должна быть в отделении. Скажешь, что бумага от полиции придёт, что она привлечена как эксперт. Запомнил?

Я кивнул.

Откуда он знает, что у меня хорошая память на числа?

Наверное, оттуда же, откуда рабочий график Елены Филипенко.

– Телефон Миланы знаешь?

– Зачем? – заупрямился я.

– Потому что перед нами инопланетная форма жизни. И нам нужен биолог.

– Она студентка. А это – робот!

– Надо удостовериться. Студентка тоже... лучше, чем ничего.

Он снова порылся в книжечке.

– Вот телефон деканата. Твоя... знакомая... должна быть на лекциях. В общем, пригласишь декана. Скажешь ему, что в сейфе лежит конверт от МВД. Пусть вскрыет. Внутри будет ещё один конверт, на нём написаны числа: тридцать два – восемь – пятьдесят четыре. После этого пусть вскрыет второй и прочтёт, что там сказано.

– И что?

– Там сказано, чтобы он выполнял распоряжения, отданные сотрудником по телефону. Пусть сажает Милану в машину и отправляет сюда!

– Давайте я просто скажу, что у неё заболела бабушка, – сказал я.

Лихачёв подумал секунду.

– Можно и так. Но с конвертом быстрее. И... – он усмехнулся, – мне ни разу не доводилось использовать эти предписания. Хочу попробовать, как работает. Всё, иди!

– Наську забрать? – предложил я.

– Зачем? – удивился Лихачёв. – Мне нужен ассистент. Нервы у неё крепкие, как я погляжу. У тебя крепкие нервы?

– Как стальные тросы! – ответила Наська. И показала мне язык.

Я вздохнул и пошёл к телефону.

Робот. Ну надо же, робот!

Теперь понятно, почему в Комке нет сортира...

* * *

Вернулся я минут через двадцать. Елену я вызвонил быстро, и она сразу, ничего не спрашивая, ответила, что приедет. Декан биофака тоже не спорил после того, как вскрыл конверт, но его минут десять не хотели подзывать к телефону, даже один раз сбросили вызов. То ли он чем-то был занят, то ли секретарше мой голос показался недостаточно солидным. Поэтому, завершая разговор, я не удержался и велел декану навести порядок среди персонала.

К этому моменту Лихачёв с помощью Наськи уже раздел Продавца. Думаю, что Наська выступала в качестве основной рабочей силы, пришелец явно весил килограммов сто пятьдесят, а может, и двести. Сейчас полковник и куколка сидели возле неподвижного тела, изучая результат своих трудов.

Без своих одежд Продавец выглядел нелепо и устрашающе одновременно. Тело его представляло собой металлический цилиндр с закруглёнными торцами, что-то вроде здоровенной капсулы. Сплав не походил на тот серо-голубой, что используют Инсеки, он был очень тёмный, почти чёрный. Никаких отверстий, кроме пробоины в груди, никаких датчиков-штекеров-индикаторов, лишь

небольшие выступы и углубления, спиральным узором покрывающие весь цилиндр. Никаких признаков пола, разумеется. Снизу к капсуле крепились «ноги», в боках «руки», сверху «шея» с головой. Ладони и голова выглядели очень правдоподобно, казалось, что это обычные человеческие части тела. Но они не выглядели мёртвыми, и это как раз заставляло думать об имитации. Тёмные волосы на голове, уши как уши, хотя обычно их не видно, в общем – тщательная работа. Я осторожно потрогал Продавцу щёку – она была тёплой. Наклонился – и ощутил слабый цветочный запах. Так пахнут человеческие покойники, но я помнил, что и от живых пришельцев исходил этот запах.

– Удивительно, что Продавцы позволили узнать их сущность, – сказал Лихачёв. Неодобрительно глянул на меня, порылся в кармане, протянул тонкие синие перчатки. На нём и на Наське такие уже были. – Не надо человеческой ДНК.

– Нам нельзя его выносить, – предупредил я.

Лихачёв вздохнул. Негромко сказал:

– Ну... разве что чуть-чуть, а? Волосок?

– Это робот, – напомнил я.

– Но голова и руки у него похожи на органические. Даже такая мелочь... – Лихачёв встал, оглядел Продавца с высоты своего роста. – Ну-ка, ассистент! Скажи, что тебя настораживает?

– Всё! – бодро выпалила куколка.

– А конкретнее?

– Что Продавцы нас сюда направили. Что кто-то смог Продавца убить, неужели у них защиты нет? Топор очень настораживает.

Топор лежал на прежнем месте, но похоже было, что его осматривали.

– Так... – подбодрил Лихачёв.

– Синюха по лезвию размазана неровно, – сказала Наська. – Словно потом уже прикладывали к дырке. И дырка... – она ткнула пальцем. – Она же изнутри! Металл выгнут наружу, а если топором бить, то должен был внутрь прогнуться!

– Вот, – сказал Лихачёв довольным тоном. – Молодчина. Если вырастешь и захочешь из Гнезда уйти, то возьму на работу!

Довольная улыбка Наськи сразу увяла.

– Из Гнезда не уходят, – сказала она.

Я укоризненно глянул на Лихачёва:

– У полковника явно нехватка сотрудников. Он и меня вербовал... А вы за штору заглянули?

– Нет, тебя ждали, – ответил Лихачёв.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять: это не сарказм, они действительно ждали.

– Ну, так давайте посмотрим? – сказал я. – Всегда хотел заглянуть.

Лихачёв, ещё раз посмотрев на Продавца, кивнул. Подошёл к шторе, пошарил рукой, отводя в сторону. Занавес состоял из полос ткани шириной метра в полтора. Продавцы обычно проскальзывали сквозь штору очень быстро, за ней было темно и разглядеть ничего не удавалось.

Теперь стало понятно, почему. За первой шторой на расстоянии метра оказалась вторая.

– Простенько и со вкусом, – решил Лихачёв, отдёргивая вторую штору. Там уже было светло. Он прошёл внутрь, резко остановился. Потом сказал: – Максим, иди ко мне. Анастасия, остаёшься на месте!

Видимо, такое официальное обращение возымело действие, куколка даже не пикнула.

Я прошёл за Лихачёвым.

Эта часть Комка была просторнее. У стены стоял здоровенный, два на два метра, стеклянный куб. Передняя сторона была приоткрыта, словно дверь, хотя никаких петель я не видел, просто стекло изгибалось, как лист бумаги.

Ещё там имелась койка: металлическое основание, голый белый матрас из гладкого поблёскивающего пластика. Койка была узенькая, Продавец мог на ней поместиться, но вряд ли это было ему удобно. Хотя зачем вообще роботу место для сна?

Но главный сюрприз ждал нас на полу.

Там лежала женщина.

Молодая, может, немного старше меня, красивая, с длинными светлыми волосами. Крепкого сложения, не заморенная модель, но и не перекачанная спортсменка или бодибилдер. Есть такой тип внешности, про него ещё говорят «настоящая русская красавица», а иногда, со вздохом, добавляют «исчезающий вид».

И судя по этой женщине – и впрямь исчезающий.

Она была мертва. Никакой крови, никаких повреждений, но одного взгляда на бледную кожу и слепо открытые глаза хватало, чтобы это понять. Одета она была в цветастый голубой сарафан и белые босоножки, чуть в стороне лежала крошечная сумочка в тон сарафану.

– Только этого не хватало... – горестно сказал Лихачёв.

Присел возле тела, потрогал шею, оттянул веко, потом чуть приподнял женщине руку и зачем-то осмотрел с той стороны, которая была обращена к полу. Прижал к руке палец, надавил, отдёнул. Медленно встал, глянул на меня:

– Умерла вчера вечером.

- Продавец тоже, - сказал я. - С девяти до одиннадцати, как мне сказали. Её убили?

- Да уж вряд ли она умерла с горя по Продавцу... - Лихачёв тихонько застонал, выругался: - Мать твою... я попал, Максим. Это не Продавец, это человек. Я должен сообщить про убийство. Его будут расследовать. А никого сюда впускать нельзя, так? И выносить ничего и никого нельзя?

- Я могу спросить!

- Даже если её позволят вынести - требуется осмотреть место, под подозрением мёртвый Продавец...

- Полковник, - сказал я. - Вы что, серьёзно?

Лихачёв глянул на меня искоса.

- Вот вы такой весь законопослушный, да? - поинтересовался я. - Инсеки на нашей планете растят своё пушечное мясо, а раньше это делали Прежние, а недавно они чуть Землю не угробили из-за девочки-стратега!

- То есть ты предлагаешь мне нарушить закон? - спросил Лихачёв.

- Да, - мрачно сказал я.

Полковник кивнул и никак не прокомментировал мои слова. Сказал:

- Женщина была крепкая, но вряд ли она могла убить Продавца. А ты сталкивался с ситуацией, когда кого-то впускали за занавес?

Я покачал головой.

- Имеем два тела, фальшивое орудие преступления и никаких зацепок, - вздохнул Лихачёв. - Ещё имеем стеклянную хрень. Как думаешь, они отсюда берут товары?

Я кивнул. Мне довелось видеть, как Продавец отказался продать какую-то особенно крутую удочку, сказал, что она слишком длинная и неразборная, возникнут «транспортные проблемы». Видимо, размеры камеры ограничивали доставку или синтез товаров.

– Эх... – Лихачёв нагнулся, поднял сумочку, открыл. Стал осторожно перебирать содержимое: мелькнул флакончик духов, тюбик помады, таблетки. Потом он с торжествующим «ага!» достал какое-то удостоверение, раскрыл.

И замер.

– Кто она? – спросил я.

– Некая Татьяна Воробьёва, – ответил Лихачёв.

– И что?

Но оказалось, что полковника Лихачёва поразило не имя женщины. Он закрыл удостоверение и спросил:

– Знаешь, где она работает?

Я пожал плечами.

– В Администрации. Под руководством того, кто нам известен под именем «Иван», – пояснил Лихачёв с отвращением. И посмотрел на мёртвую женщину с явной неприязнью.

– Тогда, выходит, мы нашли убийцу... – прошептал я.

«Иван» был каким-то чином из правительства.

А ещё – Прержним. Одним из тех, кто тысячелетиями тайно властвовал над людьми.

Но самое мерзкое, что при этом он и сам был человеком.

Глава четвёртая

Милана и Елена приехали почти одновременно. Елена на машине – я удивился, но она, оказывается, имела личный автомобиль. Наверное, и впрямь была хорошим врачом, если могла себе это позволить: бензин очень дорог, да и электричество недешевое. Милану привезла университетская машина с изнывающим от любопытства водителем. Нечасто декан велит немедленно подбросить студентку до Комка.

С Еленой мы поздоровались за руку, при всей разнице в возрасте мы уже через многое вместе прошли.

А с Миланой, после секундного взаимного колебания, обнялись и даже поцеловались.

В щёки. Так, по-братски-сестрински. Что было, то было, мы этого не забывали, но и не вспоминали вслух. Милана выглядела сегодня замечательно, к тому же была не в джинсах, а в юбке. Честно говоря, мне куда больше нравится, когда девушки одеваются соответственно своему полу, а не влезают в штаны.

Но меня это уже не касается.

Не должно касаться.

Дальше было объяснение ситуации, строгий взгляд Елены на Наську, которая постаралась сделать вид, что её тут вообще нет, и краткая речь Лихачёва.

– Милые дамы, – сказал он, глядя на Елену. – Я понимаю, что это не совсем ваша сфера деятельности. Но никого более подходящего я сюда привести не могу. Тут лежат мёртвый пришелец и мёртвая женщина. Надо постараться понять, как они погибли. И по возможности собрать информацию о Продавце. Это первый в истории случай, когда мы можем анатомировать инопланетное существо.

– Мне кажется, слово «разобрать» подойдёт лучше, – заметила Елена. – Хороший слесарь был бы полезнее.

– Не спорю, но слесаря нет, – Лихачёв развёл руками. – Мы с Максом постараемся помочь. Что вам нужно?

Женщины принялись совещаться.

Через пять минут мы с Лихачёвым пошли к таксофону. Он отзвонился в свой отдел и продиктовал список реактивов и медицинских инструментов, которые надо привезти «хоть купив, хоть отобрав у судмедэксперта». Потом мы обошли ближайшие магазины, покупая всё остальное: в списке была и толстая полиэтиленовая плёнка в рулоне, и чёрные пластиковые мешки, и аккумуляторная пила-болгарка, и прочие инструменты. Завершали перечень пять лёгких садовых стульев, чайник, вода, заварка и туристическая газовая плитка – Лихачёв настраивался на долгую работу. Ещё мы купили сэндвичи и печенье, причём полковник сказал, чтобы я не брал бутерброды с мясом. Причину я понял, и мне стало неприятно.

Самым нелепым было то, что всё это мы могли бы получить в Комке, причём куда лучшего качества – если бы умели пользоваться кубом-синтезатором.

Нагруженные (больше всего мешали стулья, лёгкие, но громоздкие), мы вернулись в Комок. Женщины сидели все вместе, включая и Наську. Судя по недовольному, но всё же торжествующему лицу куколки, её пытались прогнать, но не сумели.

– Хирургических инструментов пока нет, – сказал Лихачёв. – Давайте займёмся Продавцом.

Мы расстелили полиэтилен на прилавке и затащили на него нелепое металлическое тело. Елена надела тёмный рабочий халат, перчатки и защитные очки. Лихачёв снарядился так же. Как-то не сговариваясь, они взяли основную работу на себя.

Я не был против.

– Итак... – сказал Лихачёв. Достал из кармана старый смартфон. Я удивился, но оказалось, что Лихачёв использует его как фотоаппарат и диктофон. – Имеем металлический цилиндр с частично вытекшей густой жидкостью синего цвета.

Из контейнера торчат пять металлических штырей, два оканчиваются имитацией человеческих кистей, один – имитацией головы, ещё два имеют по четыре выступа и служат для передвижения... Служили. Имитации человеческих тканей очень правдоподобны.

Он сделал несколько снимков, вздохнул. Видимо, представлял себе, как Продавца разбирают на части специалисты.

– Исследование начнём с имитации биологических тканей, – продолжил он. – Работу выполняет заслуженный врач Елена Филипенко.

– Тогда уж добавьте «доктор наук», «врач высшей категории» и прочую лабуду, – сварливо сказала Елена.

За неимением скальпеля она взяла канцелярский нож, неодобрительно на него глянула. Спросила:

– Может, дождёмся скальпеля?

– Это робот, – сказал Лихачёв. – Не сможете этим работать? Есть кухонный нож.

– Да я отвёрткой вам аппендикс вырежу, – сказала Елена. – Если понадобится. Как-то неловко...

Вздохнув, она провела лезвием по кисти.

Кожа разошлась. Выступила кровь. Красная. Милана за спиной тихонько ойкнула.

– Чёрт, – сказала Елена, отпрянув. – Копать-колотить...

– Очень тщательная имитация, – сказал Лихачёв, делая очередной снимок. – После разреза кожного покрова выступила жидкость, имитирующая кровь...

– Я бы сказала, что это и есть кровь, – мрачно произнесла Елена. – Но у мертвеца она бы уже свернулась.

Она ещё раз провела ножом, углубляя разрез.

Убрала нож, сказала:

– Полковник. Я бы сказала, что прорезала кожу тенара и рассекла короткую отводящую мышцу большого пальца – мускулюс абдуктор поллицис бревис. И это обычные человеческие мышцы, а никакая не имитация, к хренам собачьим!

Она склонилась над разрезом, осторожно развела его пальцами, чего-то коснулась кончиком ножа. Выпрямилась.

– Я бы даже сказала, полковник, что это живая человеческая кисть.

– Насаженная на штырь?

– Да, насаженная на штырь! – резко ответила Елена. – Я коснулась нерва, и мышца чуть сократилась. Словно в глубоком наркозе.

– Но этого не может быть.

– Не может, – согласилась Елена.

– А если это выращенная искусственно кисть руки? – предположила Милана.

– Кровоснабжение, иннервация? – вопросом ответила Елена.

– Через штырь. Какие-нибудь капилляры... провода...

Елена посмотрела на Лихачёва.

– Может быть, вы займётесь металлической частью?

Лихачёв протянул ей смартфон, молча взял напильник из принесённых нами инструментов. С усилием провёл по цилиндрическому боку. Изучил это место. Сказал:

– Следов воздействия напильника не наблюдаю. Металл твёрдый, идентифицировать не могу. Судя по весу, это не сталь.

– У меня есть магнитик! – неожиданно сказала Милана. Достала из сумочки маленький фонарик. – Вот тут, на торце, он примагничивается...

– Молодчина, – похвалил Лихачёв. Приложил фонарик к корпусу Продавца. Сказал: – Металл немагнитный. А ну-ка...

Включив фонарик, он посветил в узкую дыру. Долго всматривался. Потом сказал:

– Тут, конечно, с обзором плохо... но, по-моему, он весь заполнен этой жижей.

– Мне дайте, – попросила Елена азартно. – Вы и не представляете, через какие щели я внутрь человека заглядываю... потом напомните, расскажу анекдот... про поклейку обоев...

Она долго светила в щель, щурясь и поворачивая фонарик. Сказала:

– Согласна. На первый взгляд всё заполнено вязкой синей массой, аналогичной выплеснувшейся, но более густой. Я бы сказала, что мы имеем дело с большой банкой синей жижи, к которой на штырях приделаны человеческие руки и голова.

– Как бы человеческие, – упрямо поправил Лихачёв.

– Ну можно и так сказать, – Елена вздохнула. – Будете вскрывать?

– Попробую... – сказал Лихачёв.

Он попробовал. Маленькая «болгарка» визжала, пытаясь вскрыть корпус, но через несколько минут полковник признал поражение.

Вырезать в теле Продавца отверстие не получалось. И судя по тому, что пила не оставляла никаких следов, топором пробить тоже бы не вышло.

– Посмотрите место соединения штыря и кисти, – попросил Лихачёв.

Елена снова стала резать. Я отошёл, смотреть не хотелось. Но уже через минуту вскрытие закончилось: кисть оказалась прикреплённой к штырю через комок густой синей массы, в которую были погружены нервы и сосуды. Походило на то, будто отрезанную кисть просто надели на штырь, из которого торчал пузырь липкой синюхи. Странное вещество приросло к плоти, заполнило обрезки вен и артерий, каким-то образом насыщало кровь кислородом и питательными веществами и сохраняло ткани живыми. Края кисти при этом накрепко приросли к штырю.

– В какой-то мере эти кисти до сих пор живы, – сказала Елена. – Хотя основная часть Продавца разрушена, но синяя жидкость продолжает питать биологические части.

– То есть это киборг, – задумчиво сказал Лихачёв. – А как он мыслит? Где мозг?

– Я не стану вскрывать голову! – резко ответила Елена. – Если это человеческая голова, то мозг может быть жив.

– Но Продавцы – не люди!

– А откуда мы знаем, где здесь что? – резонно возразила Елена. – Это киборг! Он может думать этой жижей, корпусом... может быть, там, в глубине, плавают какие-нибудь мыслящие схемы!

– Волновые структуры, – предположил я. – Как Гнездо... и как Высший.

Елена кивнула и добавила:

– А руки и голова – выращены искусственно или взяты у людей. Для маскировки.

– Но Продавец умер! – напомнил я.

– Умер его мозг, чем бы он ни был! А тут, в этой голове, может быть человеческий мозг. Живой.

– Жуть! – с восторгом сказала Наська. И быстренько ретировалась в сторону, убегая от взгляда Елены.

Лихачёв посмотрел на меня с сочувствием:

– Максим, боюсь, ничего полезного ты от нас не получил.

Да, похоже было, что так.

Лихачёв хотя бы выяснил, как именно выглядит Продавец. Казалось бы, какая нам разница, гуманоиды они, ящерицы, насекомые или киборги? Но за такую информацию он наверняка получит премии, благодарности, какие-нибудь медальки-ордена. Потом, возможно, за эту информацию и за кадры неудачного вскрытия Продавца наше государство будет выторговывать важную информацию у других стран.

А мне-то что?

«Ваш коллега – робот»?

Так и Продавец, поивший меня чаем, тоже робот.

«У него дыра в груди».

Очень ценная информация...

– Елена, осмотрим тело женщины?

Хирург вздохнула.

– Да, конечно. Вскрывать?

Лихачёв заколебался. Видимо, представил, как всё это будет. Он, конечно, всякого навидался, но...

– Аккуратно, – решил он наконец. – Почему женщина могла умереть без всяких внешних повреждений?

– Яд, инфаркт, инсульт...

– Сможете аккуратно посмотреть?

– Совсем аккуратно это не получится, – сказала Елена. – Но... нервы у вас крепкие?

Лихачёв пожал плечами.

– Давайте попробуем. Только дождёмся нормальных инструментов.

В ожидании мы спустили тело Продавца на пол, поставили плитку и вскипятили на ней чайник. Мы сидели в Комке, который сам по себе был чудом, продуктом инопланетных технологий, но хозяева не предусмотрели ни туалета, ни умывальника, ни электричества в доступной нам форме.

Вскоре полицейская машина привезла Лихачёву две сумки полные оборудования эксперта. Хозяин сумок тоже приехал и явно изнывал от желания лично поучаствовать в исследовании, но был отправлен обратно. Пока мы допивали чай, Елена повозилась над телом Продавца с реактивами и сообщила, что биологические части действительно живы.

Час от часу не легче. Я представил, что голова открывает глаза и начинает что-то говорить.

А как она заговорит-то? Лёгких нет! Или по заменяющему шею штырю и воздух подаётся?

Елена и Милана ушли за занавес, к ним присоединился Лихачёв. Меня никто не позвал, и я был этому рад. Хотела ли понаблюдать за вскрытием Наська – не знаю. Во всяком случае, она предпочла усесться на стул и задумчиво смотреть на лежащего Продавца.

– Ты про таких что-нибудь слышала? – спросил я, беря стул и усаживаясь рядом.

- О Продавцах нам ничего не говорили.

- А о киборгах вообще? Там, в космосе, есть боевые киборги?

Наська помолчала. Потом неохотно сказала:

- Я не стража. Говорили, что это тупиковая ветвь.

- То есть?

- Биологический организм можно изменять бесконечно... - Наська ковыряла ногой пол. - В любую сторону. Добиваться нужных качеств. Живая клетка очень пластична. А механические устройства ограничены, даже если они сами себя чинят.

Я подумал. Сказал:

- Всё-таки не согласен. Оружие из живого не сделаешь.

- Да? - удивилась Наська. - Правда, что ли?

Я вспомнил бойца с его роговыми конусами-излучателями.

- А если нужен рентген, какие-то исследования?

- Мы не боеем. Ну и есть же докторки! - удивилась Наська. - У нас не было, а в большом Гнезде есть. И там... где требуется.

- Ладно, допустим, - не сдавался я. - Ну а если нужен экскаватор? Или бульдозер?

Наська искоса глянула на меня.

- Что, тоже? - поразился я.

- Строитель... Мне говорили, что из меня выйдет хороший бульдозер. Если не хочу в стражи.

Она выждала несколько секунд, глядя на моё ошарашенное лицо, потом снисходительно улыбнулась:

- Шучу!

- Ну тебя... - пробормотал я.

- Строители из мальчишек хорошо получаются, - добавила Наська.

- Ты сейчас не врешь? Не фантазируешь?

- Нет. На Земле много разных Изменённых не нужно. А вот там, - она указала глазами вверх, - всякие бывают. Жница для работы, стражи для войны, монахи для науки. Но дальше ещё много разного.

Как по мне - это и был ужас, а не металлический цилиндр с торчащими из него на штырях руками и головой. Но Наська, снова уставившись на Продавца, сказала:

- Вот такие штуки - это кошмар и примитив. Смотреть противно.

- Почему вы ничего не рассказываете людям?

- А зачем вас пугать? - спросила Наська хмуро. - Вам лучше не знать.

- Мне-то ты рассказываешь.

- Ты почти свой.

Она вздохнула и на миг прижалась головой к моему плечу. Добавила:

- И Дарина тебя любит. Тебе можно рассказывать. А ты расскажешь кому-то?

- Нет, - признался я. - Зачем... пугать.

- Вот!

Штора качнулась, вышла Милана. Была она бледная и как-то очень натянуто улыбалась, неловко стягивая перчатки. Пальцы у неё скользили, перчатки были в чём-то липком. Мы, не сговариваясь, кинулись к ней, Наська перемахнула через прилавок в прыжке, я перебрался следом.

- Ты как? - спросил я.

- В обморок не упаду, - ответила Милана. Помедлила. - Наверное. Правильно я на врача не пошла учиться...

Она скинула перчатки в пакет, который мы отвели для мусора. Туда же отправила и халат. Я полил ей воды на руки, подождал, пока она яростно их оттирала над тазиком.

- Это... ну, неприятно... - пояснила она. - Одно дело, когда смотришь в микроскоп. Другое... ну... Елена сказала, что они справятся сами. Лихачёв - кремень. Ещё и подсказывает... Максим, у тебя нет сигарет?

Я покачал головой.

- Не подумай, я не курю... - виновато сказала Милана. - Ну, постоянно чтобы - не курю. Сейчас только вот.

- В моём пиджаке посмотри, - крикнул из-за занавеса Лихачёв. - В правом кармане. Только учти, у меня настоящие, не электронные. И крепкие.

Милана виновато глянула на меня, я махнул рукой и сам достал ей сигареты полковника. Как-то не время сейчас было лекции ей читать.

Она порывалась выйти, но я велел ей сесть на стул у двери и курить там. Однажды при мне в Комок вошёл сёрчер с сигаретой, Продавец даже слова ему не сказал. И дым вытягивало мгновенно, здесь сильная вентиляция.

Я подождал, пока Милана справилась с зажигалкой и закурила. Делала она это по-прежнему неумело.

- Вы что-то... посмотрели? - спросил я, стоя рядом.

- Нет ещё. Сейчас Елена смотрит... сердце... - Милана глубоко затаилась. - Давай не об этом, а? Как у тебя дела?

- Нормально. А что не звонила?

- Учёба, - неуверенно сказала Милана. - Дел по горло, да... - И тут же, испортив даже эту отмазку, спросила: - Как у вас с Дариной, всё в порядке?

- Хорошо, - сказал я.

Повисло неловкое молчание.

- Вы на меня не обращайте внимания, - сладким голосом сказала Наська. - Я всё понимаю, это взрослые отношения.

Милана вымученно рассмеялась.

- А ты как, непоседа?

- Расту, - подумав, сказала Наська. - Думаю о жизни. Решила начать писать стихи.

- Умница, - одобрила Милана.

И тут из-за занавеса вышел Лихачёв.

Сказать, что у него был озадаченный вид - мало. Он был растерян и, кажется, даже слегка испуган.

- Что такое? - дёрнулся я.

– Максим, такое дело... – Лихачёв скривился. – Эта... Татьяна... не человек.

Он, крикнув, перебрался через стойку. Подошёл, забрал у Миланы свои сигареты, тоже закурил.

– На вид обычная женщина, – сказала Милана осторожно. – Даже красивая женщина.

– Ну да... И документы у неё нормальные, и в сумочке ничего подозрительного. Елена говорит, что сердце нечеловеческое. Там две дополнительные камеры.

– Шестикамерное? – удивилась Милана.

– Три предсердия, три желудочка. Дополнительная вена и артерия, кажется, идут прямо к мозгу. Мы ещё глянули быстро мышцы – Елена говорит, что такого вообще в природе не бывает. Какой-то особый тип мышечной ткани, надо смотреть под микроскопом, но... В общем... там у неё словно всё улучшено. Понимаете?

– Она Прежняя, – сказал я, холодея.

– Да, – кивнул Лихачёв. – Я это допускал. Но не думал, что они так отличаются внутри.

– Я готова помогать, – решила Милана, покрутила головой, ища куда бросить окурок. – Если так, то я готова. Я как-то сразу перестала её жалеть!

– Подожди, надо понять, что делать, – сказал Лихачёв. – Убитый Продавец – уже плохо. Но его соплеменники хотя бы разрешили вести следствие и проводить вскрытие! А тут – убитый Прежний. Я не знаю, что делать.

– Официально их как бы нет, – заметил я.

– Но мы как минимум одного знаем, – Лихачёв вздохнул. – И пусть даже Прежним теперь запрещено убивать людей, он и в своей человеческой должности может нам жизнь превратить в ад!

– Вас с работы вытурят, – кивнул я.

– Меня с работы, Милану из института, при желании найдут и тебя за что посадить, и как близких зацепить... – Лихачёв покачал головой. – Ребятки, я не хочу вас подставлять. Эта женщина – не преступник, а тоже жертва. Я велел Елене привести её в порядок, насколько возможно. И надо... – он помедлил, – звонить Ивану. Ты помнишь его прямой номер?

Я кивнул.

– Так будет быстрее, – решил Лихачёв. – Мне-то придётся продираться через секретарей. Позвони. Расскажи без деталей, что случилось. Пусть забирают тело.

Я подумал, не связаться ли вначале с Продавцом.

Потом подумал, что неприятностей, связанных с Иваном, будет куда больше.

– Хорошо, – сказал я. – Позвоню.

– Давай, Максим, – подбодрил Лихачёв. – Влезли же мы в дерьмо по уши... Извини, Милана, что тебя вытащили.

Милана пожала плечами и ответила:

– Ничего. Если честно, мне эти недели было как-то одиноко и пусто. Наверное, подседа на адреналин.

Я глянул на Наську, взглядом велел ей оставаться (впрочем, она-то была явно в восторге от происходящего) и пошёл к двери.

Открыл и замер.

Перед дверью стоял худощавый мужчина лет сорока, в дорогом костюме, в дорогих очках, интеллигентного и одновременно начальственного (а это редко бывает) вида.

Похоже, он давно уже тут стоял, терпеливо ожидая, пока кто-нибудь выйдет.

– Здравствуйте, – сказал я. – Как раз собирался вам звонить.

Иван уставился на меня, на мгновение на его лице промелькнула несвойственная Преподобному растерянность. Потом он кивнул, вновь обретая иронично-пренебрежительный вид.

– Проходите, – помедлив, продолжил я.

В конце концов, ведь Иван был во всё посвящен. Так что разрешение Продавца формально касалось и его.

– К сожалению, войти я не могу, – ответил Иван, оглядывая дверной проём. – Мне, видишь ли, достаточно сделать шаг внутрь, чтобы умереть...

Он с явным интересом заглянул в Комок, сдержанно улыбнулся Лихачёву.

– Здравствуйте, полковник! Привет, девочки! Приятно видеть знакомые лица. Но говорить придётся через порог. У вас стульчика не найдётся?

Глава пятая

Я принёс и передал через порог стул.

Иван покачал головой, забирая его, сказал:

– Ты зря боишься.

Я лишь пожал плечами. «Бояться» – слишком сильное слово. Но я предпочёл бы оставаться там, куда Иван войти не может.

Набережная была удивительно пустынной, ни одной машины, ни одного пешехода. Похоже, её перекрыли? С другой стороны, через Водоотводный канал,

то и дело мелькали автомобили.

– Я попросил остановить здесь движение, – сказал Прежний, садясь перед дверью. – Чем обязан удовольствию встретить здесь вашу компанию?

Лихачёв молчал, я тоже с ответами не лез. Ивана это не смущало.

– Остальные люди тоже здесь? А миленькая жница?

Я подумал, что «миленькая» он добавил специально для меня. Чтобы вывести из равновесия.

Это значило, что моё появление ошеломило и разозлило его.

Не буду я заводиться, не дождётся.

– Что вам здесь нужно, Иван Егорович? – спросил Лихачёв сдержанно.

Значит, он всё-таки Иван? Мне стало неприятно, что у него на самом деле такие обыденные русские имя и отчество. Я не стал спрашивать Лихачёва, но был уверен, что Прежнего на самом деле зовут совсем иначе.

Хотя, если подумать серьёзно, – имён у него должно быть много.

– Куда интереснее, что нужно вам, – ответил Иван. – Да, поздравляю с награждением, полковник! Вам хотели дать «За отличие в службе» первой степени, но я настоял на «За заслуги в службе в особых условиях». Интереснее звучит, верно? А «за отличие» первой степени вы ещё получите, я прослежу.

Лихачёв молчал.

– Ладно, – Иван посерьёзnel. – Татьяна здесь?

– Здесь, – сказал Лихачёв.

Иван нахмурился. Видимо, почувствовал тон. Ещё раз глянул внутрь Комка.

- Она за ширмой?

- Да.

- А где Продавец?

- За прилавком.

- Он что, там лежит? – уточнил Иван. Пожевал губами, потом сказал: – Так. Вы хотите сказать, что Продавец мёртв?

- Я не думаю, что мы вправе делиться этой информацией, – быстро сказал я.

- Да? – удивился Иван. – Так... А что с Татьяной?

- Ваша соплеменница тоже мертва, – ответил Лихачёв.

- Хм, – Иван подался вперёд, вглядываясь в Лихачёва. – Так, значит... Ага. На основании чего вы сделали вывод, что Татьяна Юрьевна Воробьёва – моя соплеменница?

- На основании вскрытия, – сказал Лихачёв.

- Мертва... – задумчиво сказал Иван.

Он замолчал, глядя то на Лихачёва, то на меня. Ни Милана, ни Наська, стоявшие дальше, его явно сейчас не интересовали.

- Крайне любопытная ситуация, – сказал он наконец. – В какой-то мере тревожащая... Слушайте, давайте поговорим как разумные люди?

- Люди? – сказал Лихачёв с иронией.

Иван глянул на меня. Я никому не передавал его слова про то, что Земля родная планета Прежних. Сейчас он это понял... и мне показалось, что во взгляде

Прежнего мелькнуло одобрение.

– Оставьте, полковник! Если я пересплю с человеческой женщиной – у нас родятся дети. Если выпью водки – то опьянею. Если порежусь – потечёт красная кровь. Что из себя представляют Инсеки – вы знаете. Продавец, полагаю, тоже не столь человекообразен, как вы раньше думали?

Мы молчали.

– Поговорим как разумные люди, как гуманоиды, если угодно, – продолжал Иван. – Вам неприятно, что мы жили среди вас, не открываясь? На то были причины.

– Нам неприятно другое, – сказал Лихачёв.

– Ну да, да, конечно, – Иван вздохнул. – Исчезающие дети... Ну так Инсеки забирают ваших детей легально, можно сказать. И никто не против. Или платить дань больными и калеками не так обидно? Но при нас человечество росло, умнело, прогрессировало. Интернет, космические полёты, успехи медицины... Мы развивали Землю. Инсеки её превратили в унылый питомник. Казуистика, случайность, неожиданное вмешательство третьей силы... и вот вы всем человечеством приняли новых хозяев, а нас люто возненавидели! Космодромы зарастают бурьяном, Луну разрушили, климат с ума сошёл... вы хотя бы знаете, сколько видов растений и животных вымерло?

– О чём вы хотите говорить? – спросил Лихачёв. Иван, похоже, готов был часами доказывать нам, как плохи Инсеки.

– О произошедшем. Я правильно понял, что Продавец данного Комка мёртв? И мертва Татьяна?

– Да.

– Это очень странно, – сказал Иван. – Татьяна не должна была сюда входить. Система безопасности Комка уничтожает и нас, и Слуг. Собственно говоря, она должна была бы уничтожить и человека, попытавшегося причинить вред Продавцу.

- Вы уверены? – спросил Лихачёв.

- Мы проверяли, – обиженно сказал Иван. – Так вот, у Татьяны не было никаких оснований сюда приходить. Но она сегодня не вышла на работу, что очень нехарактерно для неё. Я решил проверить, где она, и обнаружил, что след обрывается возле этого Комка.

- Какой след? – насторожился Лихачёв.

- Это наши методы, вам они не помогут. Мобильные, – Иван усмехнулся, – и у нас не работают. Но способы наблюдения бывают разные. Я приехал сюда и оп – обнаруживаю вас. А почему пришли вы?

- Меня попросил об этом Продавец, – сказал я. Похоже, всё-таки придётся делиться информацией. – Сегодня ночью сообщил, что Продавец этого Комка убит. Утром я приехал, Продавец действительно мёртв. Деталей не скажу. А ещё мы нашли мёртвую женщину.

- И чего хотел уважаемый Продавец? – спросил Иван.

- Чтобы я... чтобы мы узнали, кто убийца.

- Понятное желание. Ну про Танечку-то нашу мне скажете? – Иван усмехнулся. – Как её убили? Это не очень легко сделать, знаете ли.

- Мы пока не поняли, – неохотно сказал Лихачёв. – Никаких внешних следов нет. Начали вскрытие...

- И поняли, что она не совсем человек, – кивнул Иван. – И схватились за голову – «да мы ведь режем труп Прежнего!» И перепугались, и решили сообщить мне.

Мы молчали.

- У меня нет никаких претензий, – сказал Иван. – Режьте дальше.

- Да? – не выдержала Милана.

– Вы же биолог, детка, – Прежний одобрительно кивнул. – Вам должно быть интересно. Очень удачно Максим подбирает себе девушек.

– Такое бывает только с хорошими людьми, – неожиданно сказала Милана. – На вас бы я и не глянула. Вы вроде обаятельный, но если приглядеться – гнилой человек.

Прежний расхохотался:

– Это уже оценка задним числом! Поверьте, Милана, я мог бы очаровать вас так, что вы бы за мной без трусов по улице бегали!

Он вдруг посерьёзней:

– Я даже сейчас могу это сделать. Несмотря на ваше сильное предубеждение. И мне не придётся вмешиваться в вашу психику или осыпать дорогими подарками. Обычное общение, разговоры. У меня большой опыт, поверьте... минусы очень долгой жизни...

Последнюю фразу Прежний сказал как-то по-особенному. Вроде просто слова, но я вдруг представил себе человека, живущего сотни лет. Он одинок, люди проносятся мимо, словно мотыльки перед лампой, вспыхивают и умирают. Умирают враги, умирают друзья. Умирают любимые. Умирают дети и внуки. Он человек, но одновременно нечто куда большее. Одинокий, несущий на себе груз невыносимой ответственности, неспособный позволить подлинные чувства – они всё равно угаснут. Есть такие же, как он, но их очень мало, и они все давно опротивели друг другу. Но где-то в душе у него остаётся робкая надежда – встретить ту, что его поймёт и примет таким, какой он есть...

Я вздрогнул. Нет, Прежний не забрался мне в голову. Не воздействовал на меня какими-то невидимыми волнами и излучениями. Но он сделал так, что я ему посочувствовал. Буквально несколькими словами, сказанными с нужной интонацией!

Милана поёжилась и отступила на шаг. Я увидел, что в её взгляде промелькнул ужас. Наверное, она почувствовала то же самое, только острее... применительно к себе.

– Больше не стану так делать, – сказал Иван нормальным тоном. – Не беспокойтесь. Я предлагаю честное сотрудничество. Временный союз.

– У нас уже есть временный союз... – ответил я.

– Понимаю. С Продавцами. И вы дружите с Гнездом, а это подопечные Инсеков. Всё завязано. Но дело в том, – Иван встал, подошёл к самому порогу, не пересекая, однако, невидимой линии, – что сейчас наши интересы не противоречат друг другу.

– Поясните, – сказал Лихачёв.

– Полковник, мы же раньше были на «ты»? Поясняю: я не знаю, зачем Татьяна Воробьёва пришла к Продавцу. Это запрещено и смертельно опасно. При всей моей нелюбви к Продавцам, открытая война с их культурой нам не нужна. Сегодня враги, завтра друзья – так бывает. Так что работайте на своего нанимателя, выясните, кто пришёл его соплеменника. Мне очень интересно, особенно – как это было сделано, но я не стану спрашивать. Зато я прошу выяснить, кто и как убил Татьяну Воробьёву.

– А если возникнет конфликт интересов? – спросил Лихачёв.

– Допускаете, что они убили друг друга? Сомневаюсь! Но тогда это была инициатива Татьяны, и она уже понесла кару. Вы работаете на Продавца, поработайте и на меня. Поверьте, я найду чем отплатить за службу.

Мы с Лихачёвым переглянулись.

– Я окажу вам поддержку, – сказал Иван. – По человеческой линии, в первую очередь. Ваше маленькое частное расследование, полковник, станет официальным, но докладывать вы будете только мне и только то, что касается Татьяны. Зато – вся возможная поддержка, ресурсы, информация. А?

– Что скажешь, Максим? – спросил Лихачёв.

– Я должен поговорить со своим нанимателем, – ответил я.

– Это разумно, – кивнул Иван. – Поговорите. Потом сообщите, принял ли он моё предложение. Но ещё одна война никому не нужна, поэтому уверен – примет. Да! Передайте ему мои соболезнования.

– Если Продавец согласится... – я глянул на Лихачёва. Тот едва заметно кивнул. – То мы примем ваше предложение.

– Прекрасно, – сказал Иван. – Вы, полагаю, не впустите экспертов?

– Не имею права, – ответил я. – Позвал тех, кого разрешили впустить.

– Тогда не станем посылать учёных мужей на убой, – усмехнулся Иван. – Поставьте пост, полковник, чтобы отгонять сёрчеров. Я вам пришлю оборудование... что вам потребуется, Милана?

– Микроскоп, – сухо сказала она. – Хороший.

– Вам привезут хороший люминесцентный микроскоп, низковольтный электронный. Протянут кабель питания, тут ведь розеток нет, я полагаю? Если потребуется конфокальный лазерный или высоковольтный электронный – дадут доступ, но образцы вам придётся выносить наружу, это штуки нежные и громоздкие. Лабораторные столы, спектрометр... вы список напишите, я плоховато разбираюсь, – он улыбнулся. – Какие-нибудь раскладные кровати? Думаю, лишними не будут. Кресла... вместо этого хлама. Питание? Знаете, вам пробросят ещё телефонный провод, спасибо добрым Инсекам, что оставили нам проводные телефоны... еду заказывайте из ресторанов, у вас будет открытый счёт... Что ещё? Ах, да! Нормальный туалет тут есть?

– Нет, – неохотно сказал Лихачёв.

– Привезут, поставят рядом. Район временно оцепим, повод найдём. Ну, подумайте, что ещё, я пока распоряжусь. Главное – электричество и туалет, – он улыбнулся. – О! Понял! Вода! Шланг кинут. Если нужен душ, организуем. Знаете, у вояк есть такие машины, там внутри и банька, и постирочная, и душевая. Подумаем! Всё, я побежал... Да, это всё будет у вас вне зависимости от того, примете ли вы предложение о сотрудничестве. Считайте жестом доброй воли.

Я закрыл дверь, когда Иван бодрой походкой пошёл прочь от Комка. Посмотрел на Лихачёва.

– Да, государственная машина может быть очень эффективной... – кивнул Лихачёв и поморщился.

– Я подвоха не вижу, – признался я. – Вроде всё честно.

– На первый взгляд – да, – согласился Лихачёв. Поглядел на Елену, та наконец-то вышла из-за занавеса. Похоже было, что она всё слушала, но предпочла не показываться. – Как считаешь?

– Стол для вскрытия нужен, – сказала наш доктор. – Я напишу сейчас список. Да, звучало убедительно.

– Почему же у меня ощущение, что мы в говно залезли? – спросил я.

– О, взрослеешь, – усмехнулся Лихачёв. – Ну так я тебя огорчу, мы пока только залезли, а дальше придётся нырять.

Я кивнул. Я тоже считал, что бесплатный сыр либо в мышеловке, либо в клюве у самоуверенной вороны.

Наська, притихшая и явно расстроенная, стояла в стороне. А Милана была вообще сама не своя. Я подошёл к ней, глянул вопросительно.

– Можно, я к тебе прислонюсь? – спросила она.

– Можно, – пробормотал я.

Милана прислонилась. Буквально. Упёрлась лбом в лоб, закрыла глаза и тихонько заныла.

– Ты чего? – растерялся я.

– Мне страшно! – на миг перестав ныть, сказала она. – Этот гад на меня посмотрел, что-то сказал, и я вдруг подумала, что он славный! Что его надо пожалеть! Обнять!

– Это он просто так говорит, – мрачно сказала Наська. – Убедительно. На Изменённых не действует. И люди некоторые так умеют, он просто очень долго тренировался.

– Наська, можно, Максим меня обнимет? – попросила Милана. – Ну просто так, как друга?

– Мне-то что, – буркнула Наська. – Я Дарине не скажу, если ты об этом, обнимайтесь...

Она вдруг сорвалась с места, в своей реактивной манере перемахнула через прилавок и уткнулась в живот Елене. Та обняла куколку, потом укоризненно посмотрела на меня.

Я вздохнул и обнял Милану.

Очень деликатно.

Даже деликатнее, чем хотелось бы.

– А меня и обнять некому, – сказал Лихачёв. Сел на стул, достал сигареты, закурил. – Придётся переживать в одиночестве.

– Я сейчас приду и обниму, – пообещала Наська. – Только докурите свою гадость сначала.

Обнимая Милану, я думал, что у нас, в общем-то, славная команда. Хоть и странная, и пока не вся в сборе.

Но мы друг друга понимали.

– На твоего гостя больше рассчитывать не стоит? – спросил Лихачёв. – Я о Вышем.

– Нет, – я покачал головой. – Нет. Мне кажется, он насовсем ушёл. Что-то они ещё с этим... Ваней... обсудили, и он ушёл. Надеюсь, велел нас не трогать.

Милана осторожно высвободилась из моих рук. Подошла к Лихачёву, тот молча дал ей сигарету.

– Он ведь во мне тоже был, – сказала она. – Я потом уже поняла, когда вспоминала.

– И что делал? – заинтересовался Лихачёв.

После финальной схватки в Гнезде я всё им рассказал. Ну, то, что запомнил. Как во мне вдруг пробудилась чужая, безмерная сила. Пришёл бог из машины – и всё исправил.

Я каждый день это вспоминаю, если честно. Как мир застыл, а я шёл к Прежнему, по пути приказав умереть чистильщику и погасив огонь, как выдернул Ивана из той странной неуязвимости, в которой он находился...

И ведь никаких эмоций не было. Так, лёгкое раздражение от того, что нарушаются правила.

– Он как бы ничего не делал, – сказала Милана. – Ну, почти. Только я временами словно по-другому начинала смотреть на мир. Очень спокойно, как на мультик. Он не добрый, нет.

– Высший был правильным, – кивнул я. – В компьютерных играх таких называют «законопослушные нейтральные». Это куда лучше, чем многие другие варианты... Но он не вернётся. Мне показалось... – я замялся, – что он смущён. Что он вмешался чуть раньше и чуть больше, чем собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

С. Есенин «Страна негодяев»

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/sergey-lukyanenko/tri-dnya-indigo>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)